

ИРИНА ТОКАРЕВА ГАСПАР ЛАНГЕ

*...надо помнить
до конца убить...*

ТЕМНАЯ ДУША ТОМ I

**Гаспар Ринатович Ланге
Ирина Павловна Токарева
Темная душа: надо
память до конца убить**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25554005

Аннотация

Эту старую историю не вспоминают в семье МакГреев. Ее стараются забыть, как страшный сон, стереть из памяти, чтобы и следа не осталось. Но она просачивается из глубины веков, словно ядовитый дым, и всегда напоминает о себе новой трагедией. Давным-давно вещунья сказала: «Каждый потомок проклятого рода изопьет в назначенное время чашу свою и будет она полна горечи». Теперь это время настало для Джерарда, последнего в роде МакГрей. Он встречает девушку и влюбляется в нее так, что кажется, словно ты проклят, лишен воли и приговорен к ней навечно. Чем обернется для него семейное проклятие? Просто безумием? Или озверев от ревности, он убьет ту, ради которой не жалко целого мира? Ведь никому другому, кроме него, она принадлежать не смеет. Нет, он не был готов к такому. Она тем более...

Пролог.

«...Я не художник! Я понял это, едва увидел ее. Все, чем я гордился в жизни – мой талант, моя слава, признание, деньги, мои труды, обретшие своих поклонников – все это обратилось в пепел и пыль, стоило мне поднять глаза на нее, выходящую из воды в облаке искрящихся брызг... Никто не сотворил подобного совершенства до. Не сотворит, я уверен, и после... Она была обнажена, прикрыта волной волос, как Венера Боттичелли, но гораздо более прекрасная. Прекраснее в десятки тысяч раз. Она источала свет, переливалась и играла, как лучик солнца играет на подернутой рябью воде. Она была живая. Клянусь тебе, я испугался до смерти – та, что умерла десятки лет назад, жива, говорит со мной взглядом, на губах ее цветет улыбка. Казалось, секунда, и она шагнет с полотна в наш мир сквозь время, пространство... Мы ждали этого мгновения втроем, стояли и ждали: я, он, его сын. Ничего не произошло. Ундина осталась среди своих мертвых скал, лазурных вод. «Смотрите на нее оба, – сказал он, – Ты, Джон, потому что тобой она была мне подарена. Ты, сын, потому что ты – плоть от плоти ее. Первый и последний раз чужие глаза ее видят». Мои руки сами потянулись к ней. «Прочь! – закричал он, становясь между нами, – она моя, всегда была моей! Ты ее не получил тогда, и теперь не получишь!» И снова он впал в свое безумие. Я побежал прочь отсюда. Убежал от видения, которое всю жизнь являлось мне в беспокойных снах. Я знаю наверняка, он не оста-

вит ее, заберет с собой. Она унесла в могилу его сердце и разум, он возьмет с собой ее красоту, которую увековечил собственными руками. Наверное, он уже сжег ее...

Джон Милле., 1896 г.»

Отрывок из письма, хранящегося в архиве галереи Millais, Саутгемптон, Англия

Глава 1.

Шотландия, XXI век.

На темной поляне, взятой дубами в тесное кольцо, горел костер. Яркий свет падал от него на траву, красные блики вспыхивали на боках медного котла, что был помещен на треножник и установлен над жарким пламенем. Поверх перекипающего пеной котла, поверх пожухших лесных трав, дубовых крон блуждал болотный туман. У костра сидели две женщины.

– Смотри! – сказала одна из женщин. Она была закутана в одеяние, напоминающее жреческую рясу. У ее ног лежало шесть разбитых чаш. – Как рождается, приходит в мир проклятие.

В руках женщины блеснуло что-то. Седьмая чаша, вырезанная из сверкающего камня. Женщина подняла ее высоко над головой. Густой мутный пар столбом поднимался из котла.

– Свежая ветвь прививается к старому дереву, – проговорила жрица, – Отдает древнему стволу свой сок. Наследие

безумной девы – ее безумие. Принимайте, наследующие!

Чашей она зачерпнула выющийся над чаном пар, он заиндевел на ее краях хрустальной росой. Дубы загудели, задвигались.

– Истинная любовь придет в назначенное время, – сказала колдунья, – она пронзит тебя, как меч обоюдоострый, разделит душу твою. Все, что получишь ты в ответ – отречение. Погрузишься во тьму. Забудешь имя свое. Позором ты станешь для той, которую полюбишь. Позором и отвратным бременем. Разум тебя покинет, а сердце твое пожрет зверь. Имя ему – ревность.

Она передала чашу сидящей рядом. Вторая женщина приняла сосуд. Повернулась – светлые волосы, пронзительные серые глаза. Знакомые глаза. Глаза матери. Его собственные глаза.

– Пей, – шепнула сероглазая, – свое проклятие...

И выплеснула содержимое чаши. Жидкая мерзость полетела прямо в лицо. Молния раскроила ночное небо, грянул гром разорвавшейся бомбой. Мир вместе с лесом, поляной, костром, обеими женщинами обрушился в тартарары...

Джерард сел на кровати, схватился руками за горящее лицо. В комнате грохотнуло, где-то в углу осыпалась штукатурка, дрова в камине стрельнули искрами, дом содрогнулся... И все успокоилось. Лицо, секунду назад пылавшее так, будто в него плеснули жидким огнем, остыло. Выдохнув, он отки-

нулся на подушки:

– Приснится же чертовщина.

Прозрачная штора, закрывавшая высокий оконный проем, заколыхалась. Джерард перевел на нее взгляд. Стояла полная луна, ее призрачный свет потоком вливался в комнату сквозь стекло. Ему показалось, что в фосфоресцирующих лучах колеблемая сквозняком занавеска принимает очертания человеческой фигуры. Женской фигуры.

«Надо прикрыть окно, – подумал Джерард, – иначе меня переклинит от всех этих оптических эффектов, миражей, вещей снов. Хотя...»

Вдоль стен растягивалась болотная туманная пелена.

«...Хотя сейчас на улице зима. Это значит, окно открытым быть не может. Оно закрыто. Это не сквозняк».

Штора перестала колыхаться, обвисла крупными складками. Туманная завеса рассеялась. Джерард вытер ладонью лоб – он взмок, как пробежавший дистанцию марафонец.

«Что-то должно случиться, – подумал он, откидывая ногой одеяло, под которым стало душно, – паршивое предчувствие меня не обманывает. Но что? Что произойдет-то? С кем? Со мной? Дела пойдут плохо? Только бы ничего не случилось с семьей»...

Он начал прикидывать, глядя в потолок.

Столетний бизнес работает, как отлаженный, превосходно смазанный механизм. Чтобы он не сходил с рельсов, лично Джерард, талантливый управленец, приложил все мыслимые

и немыслимые усилия.

Он наладил коммерческий выпуск эля в Ale MacGray и Glen Anne – двух маленьких семейных пивоварнях. А продукция вискарни Old Docharn с крошечного островка в заливе Лох-Брум, прежде поступавшая лишь в избранные пабы Великобритании и на аукционы виски, стараниями молодого хозяина импортируется в Северную Америку не первый год. Ежегодный объем эксклюзивного продукта ограничен. Не мудрено, ведь некоторые операции на заводах осуществляют вручную, по старинным технологиям, но спрос на алкоголь огромен и продолжает расти.

Нет, бизнес не подведет. Тогда что? Или кто? Софи?

Софи МакГрей приходилась Джерарду бабушкой. Но он, как, впрочем, все в поместье, называл ее только по имени. Софи, которой перевалило за семьдесят, выглядела лет на двадцать пять моложе своего законного возраста. Сердцем она была вовсе юна. И вела себя соответственно, не признавая жизни скучной, малоподвижной и невыразительной.

Софи в последнее время спокойна. Никаких тебе бредовых идей вроде прыжков с парашютом, альпинизма для тех, кому за пятьдесят, туристической спелеологии, автомобильных гонок по холмам. Это очень подозрительно. Не исключено, что она планирует новую авантюру. К счастью есть старина Роб. Верный управляющий Роберт Элджин. Относительно неугомонной старушки он исполняет роль поводка с ошейником. На него можно положиться. Самое главное, здо-

ровье у Софи – хоть куда. Нет, тут все нормально.

Дом дрожал... Поместье не обрушится, чушь. Простояло пятьсот лет, еще столько же простоит.

«Вдруг предчувствие касается меня? Не зря я видел сон... Колдунья обращалась ко мне... – Джерард перевернулся на живот. Он устал от размышлений, – Если тут замешан только я – не страшно. Разберусь».

Уснул он под самое утро и проснулся уже через час от громкой ругани, слышимой даже через закрытую оконную раму. Во дворе поместья по-гэльски перебранивались смотритель конюшни и старый садовник. Сколько Джерард помнил себя, они ругались каждое утро. Именно по-гэльски. Именно под его окном.

«Пони обглодала розовый куст, – он поднялся. Вслушиваясь в брань, направился в ванную, – Но теперь зима. Что там вообще можно обглодать? Старые скандалисты, им лишь бы поспорить, не важно, о чем».

Через десять минут молодой хозяин поместья Тэнес Дочарн, одетый в свитер из тонкой шерсти и темные брюки, быстрым шагом прошел по коридору в свой кабинет, по пути попросив у горничной чашку крепкого кофе.

На обтянутом сукном письменном столе лежали бумаги. Нацепив очки на кончик носа, Джерард сгреб их в охапку. Бланки, отчеты, бюрократия...

– Начнем с чего попроще. Корреспонденция. – Он вытянул из толстой пачки бумаг адресованное ему письмо, подпи-

санное управляющим Old Docharn, вскрыл конверт серебряным ножичком, начал читать, – «Джерард! Вчера на старом складе я организовал уборку. Каким-то чудом среди старого хлама мы обнаружили заросшую паутиной бочку. Судя по дате, ее запечатал еще твой прадед в начале прошлого века. Ее не будут вскрывать без тебя! Ты обязан приехать и ...»

С улицы донесся шум. Он прекратил читать, подошел к окну, слегка отодвинул портьеру. Старинные кованые ворота поместья раскрылись. На брусчатку перед особняком въехал темно-красный ягуар. Привратники, механики, охранники, дворники, находившиеся в этот час на улице, забежали словно муравьи.

Мотор заглох, из машины вышла женщина, закурила, короткими кивками головы отвечая на летящие со всех сторон приветствия. Среднего роста, превосходно сложенная, атлетичная. Каждое ее движение жило энергией. Женщина была одета в короткую кожанку, тесные джинсы, подчеркивающие узость бедер, массивные ботинки. Лицо занавешивала длинная, до подбородка, белая челка, а затылок был почти выбрит.

Со стороны пассажирского сиденья, громко хлопнув дверью, вылезла девочка-подросток в форме ученицы частной школы и со всех ног бросилась ко входу в особняк. Блондинка, сжимая пальцами сигариллу у края рта, проводила ее взглядом. Подняла глаза на окно, у которого стоял Джерард. Тот отшатнулся. Змеиной усмешки, скользнувшей по губам

блондинки, он не видел.

Когда она, символически постучав в дверь, вошла в кабинет, Джерард сидел в кресле с высокой спинкой, делая вид, что с головой погружен в чтение письма.

– Привет! – блондинка прошла к креслу, уселась на валик подлокотника. От нее пахло табаком, дождем, резковатым, но приятным, возбуждающим парфюмом. – Соскучилась по тебе.

– Привет, Бри, – он глянул на нее поверх очков, – работаю.

– Это я вижу. Я говорю, соскучилась. Не хочешь меня поцеловать? – она протянулась к его волосам.

Джерард уклонился от ее руки, встал с кресла, отошел к столу.

– Ты меня отвлекаешь, Бри. Иди пока, погуляй. Скоро обед, там увидимся, а после поболтаем и... поцелуемся.

Последнее слово он процедил сквозь зубы. Бри ядовито усмехнулась.

– Не хочешь говорить о нас, поговорим о Рокси, – сдаваться она не собиралась. Уселась в кресло, сложив ногу на ногу, уставилась на него льдистыми глазами. – Хочешь, расскажу тебе, что сотворила твоя крестница?

При упоминании Рокси, Джерард отложил письмо.

– Ну?

– Она избила мальчишку, и ее выдворили из школы.

– Хм. Мне этот Эбботсхольм никогда особо не нравился.

– Из пятой по счету школы.

– Частные школы – плохая затея, Бри. Не видим девочку месяцами. Пусть живет дома и ходит в обычную сельскую школу. Хотя бы в тот же Сильверглейдс, где мы с братом учились. Роберт будет возить ее.

– Ты меня не слышишь. У Рокси проблемы с дисциплиной. В этом виноват ты, научил девчонку размахивать палками. Ими она бьет всех без разбору, есть на то причина или нет.

– Без причины Рокси драться не станет. Я уверен, мальчишка получил по заслугам. Что касается палок – девочке необходимо уметь за себя постоять...

– Конечно! – Бри вскинула свои надменно выгнутые брови, отчего лицо ее обрело хищное выражение. – При таких-то генах...

Она хотела продолжить, но прикусила язык. Глаза Джерарда нехорошо сверкнули.

– Не о чем тут говорить, – он свернул письмо и бросил его на стол к остальным бумагам. – Решено, твоя дочь остается в поместье. Не доставай ее и не читай нотаций. Я с ней побеседую, когда вернусь.

– Куда ты? – Бри поднялась из кресла.

– Еду в Олд Дочарн, старый Фитц-Грегори вызывает. Срочное дело, – он быстро пошел к дверям.

– Это же надолго! Ты собирался пообедать с семьей.

– Семья подождет, Бри? – он вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Бри выдвинула наглую челюсть, сплюнула в топку камина. В комнату заглянула горничная с подносом, на котором дымилась чашка кофе.

– Кофе для мистера Джерарда!

– Давай сюда! – Бри взяла поднесенный ей кофе, жестом отослала горничную, и, упершись крепким бедром в край письменного стола, выпила все до капли. Затем выкурила сигариллу, затушила окурок в кофейной чашке.

– Роберт, перестаньте отмалчиваться, вы меня нервируете! Что там стряслось? Башня обрывается?

– Не говорите под руку, мэм. Я пока не влез. Будете отвлекать, оступлюсь, упаду и расшибусь насмерть.

– Не драматизируйте, Роберт. Падая с такой высоты, расшибиться на смерть не возможно. Максимум, сломаете себе хребет.

– Как мило. Сломанный хребет будет на вашей совести.

– Нашли, чем стыдить, Роберт. Если бы это был мой собственный сломанный хребет, я бы затрепетала. Ваш сломанный хребет как-нибудь переживу. Лезьте быстрее, вам оплатят лечение, вы же знаете!

– Вы бесчеловечны, мэм!

– Лезьте! Мое семейное гнездо готово развалиться! Я не буду смотреть на это спокойно!

Тихо чертыхаясь, Роберт ухватился за гротескно вывернутый сук старого вяза, что рос перед островерхой башенкой,

полез выше. Башенка с торца примыкала к северному крылу особняка. Почти под самой ее черепичной крышей находилось арочное окно. Оно было целью восхождения Роберта. Ему нужно было долезть и по возможности заглянуть в окно. Проверить, все ли в порядке.

Ночью по особняку разошелся оглушительный треск. Роберт думал, ему приснилось. Но леди Софи МакГрей, хозяйка особняка, тоже слышала треск. Треск слышал и кое-кто из персонала. Все сходились во мнении, что источником треска было закрытое и заброшенное северное крыло, а точнее эта пятиугольная башенка, выходившая окном в сад.

Северное крыло – настоящий лабиринт с заваленными старой мебелью залами, полуобвалившимися винтовыми лестницами, закутками, передвигающимися стенами и прочей загадочной ерундой. Крыло было необитаемым, черт знает сколько лет. Или даже столетий. Думать о том, чтобы добраться до башенки по внутренним ходам и не свернуть себе шею, было полным сумасшествием.

После завтрака Роберт решил между делом оценить целостность стен с внешней стороны. Никуда лезть он, естественно, не собирался. Но за ним увязалась леди Софи. И планы изменилась. В перспективе замаячил сломанный хребет.

– Бодрее, Роберт!

– Разрешите мне сходить за лестницей, леди Софи!

– Зачем вам лестница, когда есть этот прекрасный вяз? В

вашем возрасте, мужчина, я могла взобраться и спуститься по его удобным ветвям не хуже африканского гамадрила. Вы почти на месте! Держитесь за те вон прутьики у вас над головой, осторожно ступайте по этому вон суку. Он толстый, выдержит.

Выполняя указания, Роберт стал боком передвигаться по указанному суку, который скрипел и кренился под ногами, но подвел его почти под самое окно. Вытянув шею, Роберт заглянул в окно. Сначала в нечищенном стекле отразился сад. Потом в глубине возникло помещение. Роберт сильнее вытянул шею.

– Вы прямо гусь, – донеслось снизу, – видите что-нибудь?

– Вижу комнату, – отозвался Роберт. За годы он научился реагировать спокойно на ее колкости. Отвечать на них было бессмысленно и даже чревато. Контратаку леди Софи воспринимала как вызов и принималась нещадно упражняться в ехидстве, к которому у нее имелся большой талант.

– Как неожиданно. Обнаженную деву, принимающую ванну, не видите?

– Нет. Но, – он вгляделся. Стена против окна осветилась выглянувшим из-за туч солнцем. Ее располосовала широченная, страшная трещина. Значит, не показалось и не привиделось. – Я вижу разлом в стене, леди Софи!

Леди Софи заковыристо выругалась по-гэльски, отчего Роберт опасно пошатнулся, но умудрился удержать равновесие. Более чувствительный к брани сук не выдержал и сло-

мался. Элджин полетел вниз, растопырившись в воздухе, как паук.

– Ловлю! – взвизгнула леди Софи, демонстрируя неожиданную заботу. К счастью, он рухнул не на нее, а на пышный можжевельный куст – тот ощутимо смягчил удар от падения.

Бредущая по коридору девочка рванула на встречу. Прыгнула на шею, звонко расцеловала его в обе щеки.

– Рокси, мерзавка! – Джерард стиснул ее в объятиях так, что она даже пискнула.

– Я приехала, ура! Поедем куда-нибудь на Рождество?

– Слушай, Роксана, – он поставил ее на пол, поправил сбившийся на бок синий галстучек под воротником блузки, – Ты, я слышал, вновь взялась откалывать номера.

– Мама пожаловалась? Я палкой слегка отдубасила Митча Гисборна, и что? – Девчонка разгладила складки на юбке, игриво стрельнула в него глазками. В свои двенадцать она была высока, доросла ему почти до плеча. Тоненькая, еще по-детски неуклюжая длинноножка, которая со временем превратится в очень красивую женщину.

– И ничего. Поговорить ты с ним сначала не пробовала? – Джерард силился звучать строго, но у него не выходило. – Я учил тебя вступать в диалог, а силу применять в крайнем случае, когда слова не работают.

– Слова не сработали, – посерьезнела девочка. – Я ему сказала вежливо: «Отцепись, жирный хряк, не то хуже бу-

дет». Но он продолжал дразнить меня китаёзой и мымрой. Я сдержала обещание – ему стало хуже.

Он в немом укорё развел руками. Рокси нахмурилась.

– Возможно, отец мой и был китайцем, маму в любом случае спрашивать без толку. Но не этому увальню из Стаффордшира решать, кто я. Мымра или китаёза.

Джерард ласково посмотрел на Рокси. Европейские гены в ней доминируют – высокий рост, белая кожа, тонкий нос, капризные пухлые губки. Темные прямые волосы отливают не синевой, а бронзой. Восточная кровь обеспечила ей миндалевидный разрез глаз и широкие скулы. Эти черты ее только украшают. Хотя девочка думает иначе...

– Они все дураки! Ты красавица, Рокси, – убежденно сказал он, погладив ее по волосам.

Виновато-обиженная мина моментально сошла с мордашки девочки, ее сменила гримаса дьяволенка.

«Это от Бри», – невольно подумал он.

– Кстати о красоте. Ты не врешь, говоря, что я красивая?

– Нет.

– Тогда у меня к тебе деловое предложение. Женись на мне, Джерард. Не прямо сейчас, конечно, дай подрасти немного, и женись. Брать в жены молоденьких красавиц – главный мировой тренд. Чем ты хуже других? Мне будет шестнадцать, тебе всего тридцать шесть – разница в возрасте, которая меня устраивает. Я понимаю, что мама тоже метит на место твоей жены, но она старая и не такая краси-

вая, как я.

– Слушай, наглая соплячка, – Джерри едва обрел дар речь, когда девчонка закончила говорить, – «Женись на мне» ??? Это что? Требование или приказ? А моим мнением поинтересоваться не думала?

– Мужчин не спрашивают, – Рокси скептически оценила свои слегка отросшие, покрытые цветным лаком ногти, – их ставят перед фактом.

– Уфффф. Уйди с дороги, – Джерард подвинул ее в сторону, пошел вдоль коридора, – с ума вы что ли все посходили? Что за день?

– Куда ты? – крикнула Рокси.

– Прочь из этого сумасшедшего дома. Когда вернусь, чтобы духу от подобных мыслей в твоей голове не осталось!

– Я все решила! – донеслось сзади.

– Надо убратсья отсюда поскорее, пока меня не поймал кто-то еще, – буркнул Джерард, выходя на улицу и на ходу натягивая кожаную куртку.

– Выводи машину! – крикнул он механику, торчавшему у гаража.

– Есть, сэр!

Серый Aston Martin с тихим урчанием выкатился на парковочную площадку, механик вылез из салона, оставив дверь открытой.

– Спасибо, Рори!

Джерард забрался в автомобиль, щелкнул пристяжным ремнем. Отрегулировал боковое зеркало. В нем отразился особняк, а следом выбегающий из сада человек. Он был взъерошен, и вообще выглядел как-то странно. Доскакав до автомобиля, словно молодой сайгак, человек распластался на боковом стекле и жалобно заскулил:

– Сэр, куда же вы? Сэр, ну куда же вы? Не уезжайте...

– Господи, Роберт, ну и видок? – посочувствовал Джерард, но стекла не опустил. Щеку управляющего Тэнес До-чарн украшала свежая ссадина, под глазом горел фингал, английский пиджак был порван, усыпан иголками. – Отойди, я трогаюсь!

– Нет, сэр, только не сейчас! Там...

В зеркале отразилась маленькая старушка с копной седых кудрей на голове под лихо заломленной на ухо береткой. Она тоже бежала к машине, хотя и не так резво как Роберт.

– Ваша бабушка... – Роберт ткнул пальцем в старушку, что-то непонятно затараторил, – леди Софи, она...

– Прочь от машины!

– Сэр, как вы можете? Меня! С ней! Наедине! Одного?! Там трещина в стене!

– Джееее-рааааард! – музыкально запела старушка, которая была уже близко.

– Роберт, удержи ее, иначе уволю! – рявкнул Джерард и надавил на газ. Роберт отвалился, Aston Martin выкатился из раскрытых ворот.

– Трещина в стене, – прорычал водитель. Автомобиль стрелой неся по извилистой дороге, сбегавшей в долину с холма, на котором стояло поместье, – Разбирайтесь сами, без меня.

«Ехать на побережье и плыть в Олд Дочарн сейчас не резон. Слишком долго. Поеду в Глазго, зайду в паб, часов шесть у меня на это уйдет – самое то, – подумал он, – Заеду заодно в аэропорт и возьму билеты. В Нью-Йорк после Рождества все равно ехать придется, вопросы с поставками за меня никто не решит».

Пошел снег с дождем, Джерард поддал газу. В свете перспективы сбежать из дома на пол дня даже пакостная погода не смогла испортить ему настроение.

В месте, где дорога поворачивала на шоссе А9, ведущее на Глазго, был кое-как припаркован старенький форд, повернутый «мордой» к поместью. Кабина пустовала. Джерард слегка сбавил ход. Явно турист, явно едет к ним – Тэнес Дочарн значится во всех программках маршрутов по винокурням Центрального Высокогорья. Форд съехал на обочину, а обочину развезло. Туристу требовалась помощь.

– Еще один страдалец на мою голову, – Джерард сначала направил автомобиль к обочине. Но резко передумал. – Нет...

Он был зол сегодня.

– Пусть справляется без меня.

Он выкрутил руль, добавил скорость. Aston вырулил на

шоссе, окатив жидкой грязью туриста. Выбегающего из кустов ценителя виски и живописной шотландской природы.

– Докатился, – признал с запоздалым раскаянием Джерард, в зеркало заднего вида определив, что грязевой душ достался не ценителю, а ценительнице. Позади в пелене дождя скрывалась хрупкая женская фигурка.

Она увидела автомобиль из кустов, куда удалилась буквально на минутку – наломать веток для завязшего в грязи Форда. Он петлял по асфальтированной ленте дороги, ведущей вниз с холма. Размахивая добытой еловой лапой, Кэт выскочила на дорогу:

– Эй! Стой! Помоги! Я...Мне...

Ей показалось, водитель сейчас остановится. Только показалось. Подъехав обманчиво близко, машина крутанула колесами в грязи и вильнула назад на шоссе. Слякоть фонтаном полетела из-под шин. Прямо на Кэт. На ее модный плащ, элегантные брюки, шикарные кожаные сапоги, которые обошлись ей в целое состояние. Сверху падал ледяной дождь, уничтожая прическу, смывая грязь, а заодно и косметику с ее лица.

– Ах...ты... – Кэт уронила еловую ветку, осмотрела себя со всех сторон. После чего долго, со смаком высказывала обидчику все, что думает о нем, полностью игнорируя тот факт, что обидчик слышать ее не может. И если бы даже слышал, то не понял бы ни слова – русской непечатной бранью

шотландца не задеть за живое.

Наоравшись вдоволь, Кэт уселась в «форд».

– Чего пялишься? – огрызнулась она, – салфетки гони, видишь же, на кого я похожа.

Отлитая из бронзы борзая, чья породистая остроносая голова торчала из объемной сумки, лежавшей на пассажирском сиденье, смотрела на хозяйку добрыми, понимающими, но, увы, мертвыми глазами.

– Мда, – помрачнела Кэт, – бесполезное существо. Ты не стоишь и десятой доли суммы, которую я за тебя выложила.

Угостив псину щелчком по бронзовому лбу, девушка отыскала влажные салфетки в бардачке, стала ими чиститься.

– По справедливости, – она возобновила беседу с молчаливой спутницей, нервно бросая под ноги грязные бумажные комочки, – я должна оставить тебя и этот пылесос, за баранку которого меня угораздило сесть, на произвол судьбы. Начать взбираться на холм на своих двоих. Но, черт возьми, самолет на Нью-Йорк уже через три часа. Если я опоздаю, мы с тобой, собачка, поселимся в придорожном леске... Погода, как назло, гадкая, под таким дождем ночь нам не пережить...

Кое-как размазав грязь по плащу, девушка уложила локти на руль, тоскливо взглянула на укутанную белесой дымкой вершину холма. Сквозь влажную подвижную вуаль проступали руины древней крепостной стены, за ними скрывалось поместье.

– Я давно мечтала добраться сюда. Уезжаю ни с чем. Почему? Потому что я так и не научилась расставлять приоритеты за двадцать шесть с хвостиком лет.

Она повернула ключ в замке зажигания. Форд страшно раскашлялся, словно у него была запущенная форма бронхита.

– Моя ни на что не способная тачка в гору не потянет. Новоприобретенная антикварная псина весом в целый центнер не даст прогуляться пешим... Значит, поместье остается торчать на вершине горы таинственной, непостижимой мечтой, а ты, Катюха, отбываешь с ветерком. Если, конечно, твое ржавое чудовище заведется...

Форд выпустил струйку пара из-под капота, задышал, как астматик, но с места не сдвинулся.

– Еще и этот Джеймс Бонд, чтоб его черти съели... Вся грязь Шотландии сосредоточилась на мне его стараниями! Заводись, кому говорят, я в аэропорт опаздываю! Давай!

Кэт в ярости ударила ногой по педалям кряхтевшего форда. Точеный каблучок обломился.

– Аааааа!!! Вашу маааааа....

Форд завелся. Направляемый нервной рукой водительницы, вывернул на шоссе. Пыхтя, поехал в том направлении, в котором десять минут назад проехал Aston Martin.

В три часа дня он лихо запарковался у аэропорта.

– Какого черта я сюда приехал? – вслух спросил себя Дже-

рард, заглушил мотор, повернулся к заднему сиденью, заваленному празднично упакованными коробками.

За два часа он успел посетить несколько городских пабов, покупающих у него эль, переговорил с хозяевами о ценах и сроках новых поставок. Заехал в банк, решил пару проблем. Побывал в нескольких магазинчиках. Теперь своей очереди ждал самый крупный покупатель, паб Sandy Bells и его владелец весельчак Уильям Сэнди, с которым грех не выпить по пинте портера за беседой. Еще надо успеть домой к ужину.

Плановую бизнес-поездку в Нью-Йорк с целью проверить, как чувствует себя недавно запущенный им проект, Джерард намечал на новогодние каникулы. Впереди – уйма времени, билеты можно спокойно зарезервировать через Сеть и выкупить их в день отлета. Взбрело же ему в голову делать лишний крюк по городу и тащиться сюда! У него нет тех двадцати минут, которые нужно отстоять в кассу, чтобы взять билеты. Может, уехать?

Джерард решил пойти. Он не любил делать что-либо напрасно. Выйдя из автомобиля, активировал сигнализацию и направился к зданию аэропорта.

С высоты своего немалого роста Джерард свободно контролировал толпу. Идя по стеклянному коридору к зоне касс, он видел, что на расстоянии пары десятков шагов впереди происходит что-то из ряда вон выходящее. Людской поток тек по пассажиру плотно, но в одном месте распадался на два ручейка, обтекая пока еще невидимое препятствие. На

это препятствие оборачивались проходящие мимо люди, на лицах их отражалось безбрежное удивление. Ему стало интересно. Джерард прибавил шаг, догнал причину всеобщего внимания и тоже удивился.

Девушка. Со спины (он прищурился, оценивая фигуру) очень даже... Балетная осанка, изящная длинная талия. Ниже талии плащик плотно облегает соблазнительные округлости.

У девушки были длинные ноги танцовщицы. На таких ногах сам Бог велел порхать, выделять сложные па. Девушка же с трудом их переставляла. Причин для неуклюжести имелось две: сломанный каблук правого сапога и багаж. Как она вообще умудрялась не падать, волоча за собой громадный чемодан на колесиках и неся на плече большую сумку, из которой торчало что-то подозрительное?

«Я думал, вся грязь Шотландии сосредоточилась на нашей дороге у дома, – сократив расстояние между ними, Джерард осмотрел ее густо заляпанный слякотью плащ. Было заметно, что она пыталась его отчистить, жаль, без особого успеха, – но эта мадам бьет рекорды. Где можно было так вымазаться»?

Тут он вспомнил, что утром окатил кого-то жижей из придорожной лужи, когда выруливал на шоссе, и мучительно устыдился. Милая с виду, белокурая девушка тоже могла быть жертвой автомобильного беспредела.

«Надо помочь, пока она не рухнула», – сказала совесть,

требующая реабилитации.

Джерард, послушный ее зову, поравнялся с девушкой.

«Иностранка», – понял он, услышав издаваемое ею враждебное, недоступное для восприятия бормотание. Решительно перехватил у нее чемодан:

– Разрешите помочь!

Девушка вскрикнула, выругалась и с силой, удивительной для столь хрупкой особы, дернула чемодан на себя.

Кэт кипела от злости. Она шла по международному аэропорту Глазго, припадая на ногу со сломанным каблуком, из последних сил волокла за собой багаж. Чемодан оттягивал руку, от лямок сумки зверски болело плечо. Люди оборачивались на нее, но это Кэт еще могла пережить. Все они были чистыми – вот здесь ее смирение закачивалось. Кэт ругалась по-русски, хоть не громко, но от всего сердца. Вдруг ей стало легко – резко уменьшился вес чемодана.

– Какого лешего? – возмутилась Кэт. На полу рядом со своими потерявшими всякий вид сапожками она увидела мужские ботинки из начищенной коричневой кожи. Задрала голову – над ней гордо возвышался хозяин ботинок в кожаной куртке, очках и твидовой кепке на темных волосах.левой рукой он держался за ручку чемодана,

– А ну отдай, это мое!– Не собираясь расставаться с глубоко ненавистной поклажей, Кэт изо всех сил дернула ручку на себя. Субъект не шелохнулся, чемодан не выпустил, зато

смутился.

– Мисс, я вас не граблю, я просто хочу помочь! – произнес он с жутчайшим шотландским акцентом, – Вы меня понимаете?

«Вот хлыщ холеный, – Кэт резанула мужчину взглядом, – Весь сияет и благоухает. Одолеет благородный порыв? Отлично, сам нарвался»!

– Понимаю, – она отпустила ручку чемодана, благородный рыцарь просиял.

– Хотите, так помогайте, – следом она сняла сумку с плеча и уронила ее на ноги доброго шотландца. Улыбка махом сошла с его симпатичного лица.

«Не мне же одной страдать, парень, – Кэт выпрямилась, вскинула подбородок, – Ты тоже помучайся. Жаль, что очки нацепил, а то бы я полюбовалась выражением твоих глаз».

Она, не оглядываясь, зашагала в седьмой терминал, откуда через десять минут отчаливал ее самолет на Нью-Йорк, чувствуя спиной, что погрустневший джентльмен плетется следом и клянет ее в душе последними шотландскими словами.

Джерард просто обалдел. Жалкий, искупанный в грязи, хромой заморыш превратился в королеву! Белобрысая красотка (фасад, включая личико, оказался не менее привлекательным, чем тыл) вредно сморщила тонкий нос, швырнула в него сумки и полетела прочь. Даже ни разу не обернулась.

«Я знал, что аэропорт – это моя организационная ошибка, – Джерард угрюмо рассматривал точеную фигурку в грязном плаще, идя следом за ней с пудовыми сумками, – Шел бы себе и шел. Нет, вздумалось посочувствовать. Дьявол, какая тяжесть! Может у нее там контрабанда, и меня арестуют?»

Он покосился на торчавшую из ручной сумки штуковину, отливающую цветом старой бронзы.

«Антикварная статуэтка, – понял он, – вдруг внутри нее белый порошок? Бросай поклажу, старик, и беги, пока она не видит».

Осуществить задуманное ему не позволила воспитанность. Они вошли в седьмой терминал, где на пластиковых креслах размещали себя пассажиры лайнера Глазго-Нью-Йорк.

«Что за день? Чем дальше, тем гаже. Надеюсь, это был его апогей и теперь неприятности пойдут на спад», – Джерард с чувством огромного облегчения поставил сумки у кресла, возле которого остановилась его эксплуататорша. Она посмотрела на электронное табло, висевшее на стене.

– Уважаемые пассажиры лайнера, следующего маршрутом Глазго-Нью-Йорк, в связи со снежной бурей ваш рейс откладывается на два часа. Администрация аэропорта приносит свои извинения, – резанул слух голос диспетчера, прозвучавший по внутри селекторной связи.

Табло замигало красным. Напротив надписи «Glasgow – New-York» цифры 15.30 сменило выразительное

«DELAYED».

– Откладывается на два часа... – прошептала девушка, теряя всю колючесть. Пошатнувшись, удержалась за рукав его куртки, – Я все могла успеть... Ну что за день такой, ей-Богу?

Она подняла на него беззащитные глаза. Огромные, цвета янтаря. Джерад посмотрел в них сквозь дымчатые стекла своих очков. В янтарных глазах дрожали сверкающие слезы, делая их похожими на маленькие солнца.

– Ага, – он кивнул, словно деревянный болванчик и пошел прочь, не зная куда, не зная зачем. В голове образовался вакуум.

– Сэр, подождите! – окликнула его девушка.

Он обернулся.

– Вы извините меня за грубость, – она виновато улыбнулась. Джерад незаметно дернулся от разряда тока, проскочившего вдоль позвоночника. – Спасибо за помощь.

– Пожалуйста.

«Эта женщина умеет быть милой? Уму непостижимо»! – подумал Джерад, покоряясь воле ног, которые понесли его к кассам.

Стоя в очереди в кассу, он безрезультатно пытался справиться с мыслями, которые с утра бунтовали в мозгу. Теперь от них не осталось следа.

«Вроде бы я должен был что-то сделать здесь, в городе. И ехать домой, – он полистал буклетик, лежавший на стойке

перед ним, – хорошо бы вспомнить, что именно...»

– Слушаю вас, сэр, – миловидная кассирша одарила его дежурной улыбкой.

– Мне...эээ.... – Джерард повертел в пальцах и вернул на место шариковую ручку, пружинкой соединенную с кассой, – Мне билет в Нью-Йорк, будьте добры.

Девушка застучала по клавиатуре, сосредоточившись на экране компьютера.

– У вас бронь?

– Что?

Клиент, вперивший пустой взгляд в стену за ее спиной, заморгал будто спросонья.

– Я говорю, у вас бронь? Вы бронировали билеты заранее?

– Нет, я... – он почему-то начал шарить руками по карманам куртки, но ничего из них не достал, – не бронировал. Но собирался. Лететь в Нью-Йорк.

– Я поняла. Когда вы собирались лететь в Нью-Йорк? Назовите мне дату.

«После Нового Года, – вспомнил Джерард, – Это только через две недели. Зачем я приехал сегодня в аэропорт»?

– Дата сегодняшняя. Дайте мне билет на рейс, который недавно отложили, – услышал он себя со стороны и не поверил собственным ушам.

– Сейчас посмотрю, – девушка возобновила стучание по клавиатуре.

«Господи, что со мной творится? – Джерард снял кепку

и вытер рукавом лоб, – Не зря снился этот сон. После него меня переклинило. Надо напиться. Срочно».

– О! Вам повезло. Все места заняты, но есть одно – в бизнес классе. Берете?

– Бери, – руки сами отыскивали паспорт и бумажник. Джерард попытался им воспротивиться, но мозг молниеносно подсунил воспоминание – широко распахнутые золотистые глаза, в которых сверкают бриллианты слез. Снова разряд в позвоночник. Джерард покорно расплатился, взял билет и отправился в седьмой терминал.

Глава 2.

Отложенный рейс доставил ей настоящее горе, но и подарил неоценимую возможность – сменить одежду. В туалетной кабинке Кэт разделась, вытянула из чемодана джинсы и флисовую парку с капюшоном, отыскивала удобные беговые кроссовки. А поломанные сапоги и испорченные дизайнерские шмотки нещадно затолкала в мусорный контейнер.

– Не привыкай выпендриваться, до добра не доведет! – пожелала она себе.

Освободившееся в чемодане место пригодилось, чтобы переложить туда бронзовую собаку. Ручная сумка застегнулась, багаж можно было сдать с легким сердцем, что Кэт и сделала по выходу из туалета.

Вернувшись в терминал другим человеком, Кэт скептиче-

ски осмотрела стильную дамскую сумочку, которую держала в руках. Все путешествие она протаскала ее в чемодане, но сдавая его, решила оставить модный аксессуар при себе. Сумочка была куплена в бутике Далласа, как деталь, дополняющая сапоги, что приказали долго жить на шотландской распутице.

– Ни к чему не подходит, – проворчала Кэт, – хотя нет, подходит к голове. Была сумка, будет подушка.

Вздремнуть чуток – самое удачное решение за весь этот кошмарный день. Сон расслабит, позволит забыться. Забыть о неприятностях. Забыть о нем... Что он такое? Тоже неприятность, самая настоящая. Возник перед ней, подразнил лощенной внешностью и смылся. К дьяволу его!

Она натянула капюшон на короткие, до мочек ушей, волосы, обычно лежащие крупными кольцами, а сейчас попросту кудлатые. Подложила под голову сумку и улеглась поперек кресел, заняв сразу четыре сиденья.

«Надо же, какой симпатичный», – невольно вспомнила она и принялась бранить себя. В итоге не заметила, как провалилась в черное ничто.

Сколько она дремала, Кэт не знала. Кое-как очнувшись от болезненного забытья, ощутила, что импровизированное ложе жестоко издевается над ней. Минут пятнадцать Кэт воевала с ним – вертелась, мечтая занять мало-мальски удобную позицию. Но проиграла схватку за сон и медленно поднялась, не размыкая глаз и ощущая тошноту, а в нагрузку

острую боль в шее, в коленных чашечках, пояснице, во всем теле.

– О-о-о Бо-о-оже-е-е...., – простонала несчастная, начав растирать затекшие шейные позвонки.

– Плохая была идея подложить сумку под голову, – сказал кто-то поблизости.

Кэт вздрогнула. Этот кто-то поблизости говорил с ужасным шотландским акцентом. Она разлепила опухшие веки и рассмотрела рядом с собой источник акцента. Он сидел через свободное кресло. Сидел, разведя колени, опершись об них локтями, и глядел на нее сквозь очки. Серой кепки на нем не было, он бросил ее на пустое сиденье. Темно-русые густые волосы были забавно взлохмачены на макушке головы.

– Паршивая идея, – согласилась Кэт, прячась в капюшон, как в норку.

– Должен сказать, у вас ангельское терпение, – продолжил шотландец.

– С чего вы взяли?

– Вы до последнего пытались обжить это кресло. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять – спать на нем невозможно. Даже сидеть не очень удобно.

– Увы, я не эксперт по креслам. Вы следили за мной?

– Не следил. Наблюдал, – шотландец сверкнул белым оскалом.

Кэт глубже забилась в свой капюшон. Он казался добро-

душным и безобидным, когда улыбался, не разжимая губ. Но стоило ему показать зубы, и в облике возникло что-то волчье. – Вы забавны. Кстати, где ваши чемоданы?

– Я от них избавилась.

– Знаете, когда я нес ваш багаж, меня распирало любопытство – что за штукавина выглядывает из маленькой сумки?

– На что, по-вашему, эта штукавина была похожа?

– Какая-то скульптура.

– Лохнесский монстр в миниатюре. Но продавец в антикварном салоне в Инвернесс уверял, что это борзая. Ручная работа. На вид действительно борзая, однако весит, как динозавр... Вы имели счастье убедиться в этом лично... Еще раз спасибо.

– Пожалуйста. Что вы намерены делать с вашим монстром?

– Думала украсить им каминную полку, но слишком поздно вспомнила, что дома у меня нет камина. Если я его установлю, в моей квартире будет только камин и, прошу прощения, туалет. Места для меня попросту не останется.

– Какая жалость. Где вы живете?

«Чересчур любопытен, дружок. Чем объясняется твое любопытство? Обычная вежливость»? – Кэт ненавязчиво скользнула взглядом по обращенному к ней лицу собеседника. Четко прорисованная челюсть, покрытая аккуратной щетиной, тонкие, но красиво очерченные губы. Широкие пря-

мые брови. Глаза. Какие у него глаза? Избавляться от очков он не спешил.

– Я живу в США.

– Я бы не подумал.

– Почему?

– Я слышал, как вы ворчали. Что за язык? Явно не английский.

– Вижу, у вас нет проблем со слухом. Это был русский.

– О! Вы русская? – незнакомец подался вперед. Кэт, напротив, слегка отодвинулась. Он заметил ее движение. – Наверное, вы думаете, я задаю много вопросов. Простите, почему то решил, что за беседой будет приятнее коротать время. Мы с вами попутчики, я тоже лечу в Нью-Йорк.

– Интересно, что вы забыли в Нью-Йорке?

– Я могу жить там, вы этого не допускаете?

– С вашим-то акцентом? Маловероятно. Вам больше подходят горы, а не небоскребы.

Шотландец рассеянно провел пятерней по волосам, приводя их в полнейший беспорядок, поднялся и пересел поближе. Кэт почувствовала его запах – запах чистоты, табака и дорогого одеколона, в котором звучали легкие древесные аккорды, пряные нотки корицы и перца.

– Предлагаю познакомиться, чтобы мои дальнейшие вопросы не воспринимались вами как наглость.

Кэт поджала губы.

«Ты слишком непрост, хотя из кожи лезешь вон, чтобы

казаться простаком. Меня не обманешь. Что ты забыл здесь рядом со мной? Твои ботинки за пару тысяч фунтов стерлингов не смотрятся рядом с моими стодолларовыми кроссовками».

– Давайте познакомимся, раз вам очень хочется, – небрежно бросила она.

– Отлично, – он кашлянул, – Позвольте представиться...

Зазвонил мобильник. Кэт иронично выгнула брови.

– Извините, – шотландец полез во внутренний карман куртки.

– Слушаю, – приглушенно ответил он, прикладывая трубку к уху и отклоняясь подальше к подлокотнику. В телефоне Кэт распознала последнюю модель BlackBerry. – Я не приеду, Уилли. Срочная командировка. Да. Нет. Будет так, как я сказал. Без товара не останешься. Завтра звони Роберту, он уполномочен решать все вопросы в мое отсутствие. Проблем не возникнет, за это ручаюсь. До встречи. Привет сестрам.... Извините еще раз...

– Дела?

– Так точно.

Нажав отбой, он вернул смартфон на место. Рукав куртки при этом сдвинулся, открыв запястье, на котором были застегнуты консервативные часы с золотым корпусом и белым циферблатом.

Кэт мысленно присвистнула.

«Чтобы позволить себе нечто подобное, мне придется ра-

ботать несколько лет кряду. При этом по возможности не кушать и донашивать тряпки за подругами».

Он спрятал часы за рукав, снова кашлянул, поправил очки.

«Не старайся, я же вижу, очки из драгоценного металла. Платина? А стекла сапфировые? Ну-ну, обычный парень в потертых джинсах».

– На чем мы остановились?

– Вы хотели представиться. Вас зовут...

Снова звонок. Кэт тактично отвернулась и приснула. Пусть джентльмен спокойно беседует и не дергается.

Терминал деловито гудел, туристы в ожидании рейса пили содовую за столиками кафе, толпились у сувенирных лавочек. Простой американский люд, в толстовках, кедах, с рюкзаками. Нет ни на ком одежды с виду скромной, на деле купленной у именитых дизайнеров, либо вовсе сшитой на заказ. Они слушают музыку в плеерах, пялятся в экраны телефонов, и никто из них не прячет дорогие атрибуты, пытаясь намеренно занижить свой нагло лезущий в глаза статус.

«Интересно, кто заказывает ему шмотки? Точно не сам с его-то занятостью. Наверное, жена. Или любовница? Скорее всего, они одевают его вместе. Да, вполне правдоподобно. Каждый сантиметр этого шикарного тела давно поделен претендентками. Тебе ничего не светит, Катя, подбери слюни».

– Я сказал тебе, Роберт, – тихо, но безапелляционно говорил сосед, – Мое временное отсутствие – не причина впадать

в панику. Бизнес не обрушится за пару дней, он монолитен. Ты меня спрашиваешь, что делать? Роберт не заставляй меня сомневаться в твоём профессионализме. Я ни перед кем не отчитываюсь, скажи это леди, а потом успокой ее. Справляйся, не пасуй. Рокси в истерике? Хорошо, зови ее сюда...

Он нетерпеливо постучал пальцами по подлокотнику. Кэт скучно посмотрела на табло. Ого, два часа-то уже миновали!

– Рокси! – мягко сказал в трубку шотландец, – не плачь...

– Начинается посадка на рейс Глазго-Нью-Йорк. Всем пассажирам просьба пройти к воротам терминала, – продиктовал из динамиков диспетчер.

– Что ж, – Кэт поднялась, подхватила сумку, – видимо не судьба нам с вами познакомиться. Передавайте привет Рокси.

Шотландец, все еще прижимая трубку к уху, взмахнул рукой, будто хотел поймать и удержать ее. Его злополучные часы снова засверкали, как маяк. Кэт криво усмехнулась и удалилась ленивой поступью.

Войдя в салон самолета и отыскав свое кресло, среднее в центральном ряду из трех мест, первым делом она огляделась. Высокий темноволосый парень в очках нигде замечен не был.

«Дурочка, – одернула себя Кэт, усаживаясь, – бизнесменов ищут в бизнес классе. Что он забыл в экономе? Тебя что ли? Ты бы его еще в отсеке для багажа поискала. Прекращай

о нем думать».

Но думы упрямо продолжали вертеться вокруг персоны незнакомца. Он притягивал ее, как магнит.

«В последний раз тебя подобным образом тянуло к бывшему, – здраво обратилась вспоминала Кэт, откидываясь на удобную спинку и пристегиваясь, – ни чем хорошим это, естественно, не закончилось».

Зажмурившись и ожидая объявления взлета, она, вопреки здравому смыслу, попыталась вспомнить аромат его парфюма. Ничего не вышло.

Кэт даже стала принюхиваться – вдруг с какой-нибудь стороны до нее долетят пряные нотки... Что-то и вправду долетело. Кэт открыла глаза, с отвращением скривилось. Слева потягивало слабым, но отчетливым запахом пота.

– Привет, – осклабился прыщавый юноша с водянистыми глазами, занявший, пока она гредила, левое кресло.

– Д-добрый вечер...

Высморкавшись в пальцы, он вытер их об штаны и раскрыл на откидном столике ноутбук, начал рубиться в видеоигру. Кэт с опаской отодвинулась от него.

«Компьютерный маньяк. Не совсем то, что я ожидала».

– Подвиньтесь, – прогудело справа.

Она повернулась и онемела. На нее, как айсберг на обреченный Титаник, надвигалась туша. Кэт второпях опустила подлокотник, спасая свою жизнь, ибо туша, не найдя на пути преграды, раздавила бы ее в лепешку. Колыхаясь и шеве-

ля объемными складками под одеждой, она начала пристраиваться в правом кресле. Кэт удалось разглядеть, что туша принадлежит даме – на лице с надутыми щеками и крохотными глазками алел напомаженный рот.

Дама втиснулась, охнула, предприняла попытку поднять подлокотник. Кэт решительно пресекла наглое посягательство на личное пространство. Дама стала дергать ее пристяжной ремень, грозно шевеля складками.

«Скорее бы закончился день. Другим способом лавину напастей не остановить», – вцепившись в свой ремень, Кэт притиснулась к пахнущему потом видеоманьяку, чтобы спастись от опасных телодвижений толстухи.

Есть перспектива, что во время ужина он пырнет ее вилок исподтишка. Но помеха справа более реальна, разумнее выбрать меньшее зло.

Самолет взмыл, набрал высоту. Под рычание турбин Кэт уснула, прикорнув на плече прыщавого гения, не видя, и не слыша, что творится вокруг.

Сырой болотный туман стек в балки и разломы. Впереди возникла укатанная колесами телег старая дорога. Она петляла среди колышущихся трав, вбегая вверх по склону. Гора походила на припавшего к земле исполинского зверя, а на его горбатой спине в расходящихся клубах едкого дыма она увидела обгоревшие руины.

Кэт узнала и местность, и дорогу, и почерневшие разва-

лины. Она видела все это раньше, только в несколько ином виде. Знакомые окрестности будто бы одичали, путь заглушили высокие сорняки и ковыль. Большой дом сгорел.

Резкий порыв ветра хлестнул ее по щеке. Пошел дождь, превратив дорожную пыль в слякоть.

«Я должна попасть туда», – подумала она и стала подниматься вверх по дороге к мертвому остову дома. Ноги ее заскользили в чавкающей грязи. С каждым шагом идти становилось все труднее, грязь густела. Сперва она увязала в ней по щиколотку, теперь проваливалась по колено.

Кэт встала, понимая, что дальше ей не продвинуться. Она стояла посреди глухого, непролазного болота. В глубине под слоем грязи ее ноги стиснули чьи-то ледяные лапы. Она крикнула.

Дорога вилась, уходила ввысь. Кэт глянула вперед и задохнулась от радости. Там кто-то был. Светлая фигура возникла из мрака. Ветер раздул длинные волосы, всколыхнул платье. Женщина с искаженным лицом. Она протянула к Кэт обе руки, раздался тоскливый звук ее голоса. Кэт сообразила, женщина зовет ее. Умоляет подняться на холм.

– Помоги! – закричала Кэт, – Ты же видишь, я тону... У меня не получается! Дай мне руку!

Женская фигура задрожала и распалась в тумане. Через мгновение возникла вновь, только выше, дальше, у самых руин. Снова жалобный зов, приносимый летящим в небесах ветром.

«Ты должна придти. Ты нужна здесь».

– Я не могу! – Кэт разозлилась, – Я погибну, если ты не поможешь!

Женщина пропала. Кэт услышала визг тормозов. Откуда машина в этой глуши?

Прямо на нее по дороге несся автомобиль. Грязь летела из-под быстро вращающихся колес во все стороны. Кэт дернулась, болотная трясина держала намертво. Автомобиль прибавил скорость. Она увидела бледное лицо водителя, увидела его серые глаза, безжалостные глаза убийцы, горящие белым огнем.

Она отчаянно забилась в засосавшей ее ловушке, перед самым столкновением резким, забравшим все силы рывком вытянула себя из трясины. Отшатнулась от капота, полетела куда-то вниз, с разверзшегося под ногами обрыва. Внизу вздымались острые скалы. Кэт схватилась за край, пальцами впилась в грунт, сдирая ногти. Подавилась криком и ужасом. Под весом собственного тела стала съезжать вниз. Пальцы заскользили, оставляя на почве борозды. Она чувствовала, что на ладонях сдирается мясо.

«Не спасусь», – поняла Кэт. Сил не осталась. Она разжала пальцы. Стала падать, закричала. Чья-то рука схватила ее за запястье и потянула вверх.

В ужасе Кэт проснулась. Незнакомая мужская рука касалась ее запястья.

– Тихо, – услышала она голос с акцентом, – Это всего лишь сон. Все нормально.

Часто дыша, Кэт отдернула руку. Посмотрела туда, где должна была сидеть толстая тетка. Столкнулась со внимательным взглядом серых глаз. Она бы никогда не спутала их с другими глазами. Белый огонь, расплавленный свинец. Глаза убийцы из сна.

Кэт тихо вскрикнула.

– Вы меня не узнали без очков? – спросил обладатель серых глаз и по совместительству ее несостоявшийся знакомый из терминала. Только теперь Кэт поняла, что смотрит он на нее не безжалостно, а благожелательно, даже нежно. – Или вы хотите вернуть назад вашу соседку? Я предложил ей поменяться местами, но и подумать не смел, что вы по ней заскучаете.

– Куда вы дели ее? – враждебно спросила Кэт. Напряжение, охватившее ее во сне, не спадало.

– Дел? Я уступил ей кресло в бизнес-классе! Не волнуйтесь за нее, ей сейчас удобнее, чем вам.

– Не сомневаюсь и завидую. Вы-то что здесь забыли?

– Я решил довести до конца начатое. Хочу познакомиться с вами. Мы в воздухе, нам никто не мешает. Телефон тоже. Я его выключил. Вот.

Он продемонстрировал свой безжизненный BlackBerry.

– Ладно. От вас просто так не отделаешься. Давайте знакомиться.

– Меня зовут, – довольным тоном произнес шотландец, – Джерард Карвер.

Кэт недоверчиво дернула бровью.

– Как-как, – прищурилась она, – Джерард? Я не ослышалась?

– Не ослышались.

– Джерард, а коротко Джерри? – она показала ему оттопыренный мизинец, – Мелкий пакостник с ушами и хвостом? Джерри, наглый, противный мышонок? Злобный грызун-сидист?

– Я бы не проводил подобных ассоциаций... – пробормотал шотландец.

– Ха-ха-ха-ха-ха, – откинув назад голову, от души расхохоталась Кэт. Прикрыв рот ладонью, глянула на него заслезиившимися от смеха глазами, – Простите, вот уж не ожидала. Вы – сама представительность, и вдруг Джерри! Хахахахахахахаха... Знаете у меня есть хороший друг. К слову, очень серьезный человек. Он терпеть не может мышонка Джерри! У него настоящая фобия! Стоит ему увидеть по телевизору эту бегущую тварь, как он садится и начинает его ненавидеть. Он даже хотел сменить профессию из-за своей ненависти, стать аниматором и создать мультик, где Том пристукнет Джерри! Хахахахахахахаха.

– Много у вас в друзьях серьезных людей? – шотландец улыбнулся против воли. Она смеялась так заразительно – не возможно не отреагировать.

– А вам то что? Хахахаха, – снова залилась смехом Кэт.

Атмосфера между ними разрядилась. Ее нервозность сняло, как рукой. Сосед показался ей своим в доску парнем, его странные прозрачно-ртутные глаза перестали настораживать, а тщательно скрываемые атрибуты успешного человека – раздражать.

«Джерард Карвер, ты жутко симпатичен, это мы давно признали, – думала она, смеясь, – А теперь выяснили, что ты еще и обаятелен, с тобой будет приятно поболтать без особых церемоний. Чтобы потом расстаться навсегда».

– Ты не против, если я буду звать тебя Джерри?

– Зови. Глядя на меня, ты постоянно будешь вспоминать своего мышонка?

– Откровенно говоря, при близком рассмотрении ты похож на другого зверя. Меня зовут Кэт. Катерина Шэддикс.

– Рад знакомству, Кэт.

Они обменялись рукопожатием.

– Ну, Кэт! – он откинулся на спинку кресла, – Как тебе Шотландия? Ты оценила по достоинству наше славное гостеприимство?

– Гостеприимство? Оценила, а как же! Во всей красе почувствовала его на собственной шкуре, – вспомнив утренний грязевой душ, Кэт соорудила рожу.

– И как тебе, расскажи, – не заметил ее гримасы Джерри.

– Ты хочешь услышать мою одиссею? Предупреждаю, история не из коротких. И не из самых спокойных.

– Я никуда не спешу, у меня впереди тринадцать часов полета, – он устроился на сиденье поудобнее.

– Раз ты настаиваешь, то, пожалуйста, – Кэт поискала положение покомфортнее, – Путешествие мое началось с приезда в Инвернесс на свадьбу к подруге. Три дня на праздник, пообещала я себе, а остаток двухнедельного отпуска посвящу увлекательной поездке. На пятый день неумемного веселья с утра я долго вспоминала свое имя, держа у виска подушку со льдом. Вспомнив, решила – праздновать, пожалуй, хватит. Времени осталось меньше, чем хотелось бы, но все по-прежнему в моих руках! Я молода, полна сил, на карте есть достаточно сбережений, чтобы в поездке не отказывать себе ни в чем в пределах разумного. Маршрут путешествия со всеми остановками намечен. Я тронулась в путь. Последствия свадебных загулов дали о себе знать в первый же час путешествия. Я не помню, как очутилась в этой антикварной лавке в Инвернесс, где на меня с витрины смотрел...

– Лохнесский монстр из бронзы, – ввернул Джерри.

– Именно. Я не смогла противиться магии того взгляда. Тем более я коллекционирую фигурки собак... Последствия моей позорной слабости тебе известны. Пятнадцати килограммовая штуковина в сумке, плюс почти нулевой баланс на банковской карте. Да, собака стоила три моих месячных оклада. Боже, как я ее ненавижу!

Кэт ударила раскрытой ладонью по подлокотнику.

– Но вместе с тем люблю...

Они посидели, осмысливая гипнотическую силу и запретельную стоимость антикварных собак из бронзы.

– Итак, – продолжила Кэт, – с собакой и багажом я кое-как добралась до стоянки конторы, сдающей автомобили в прокат. Моих жалких грошей хватило на форд, к которому лет двадцать точно никто не походил. Хозяин, хитрый старикан, кстати, с таким же неудобоваримым акцентом как у тебя, битых полчаса расписывал мне достоинства колымаги. Я понимала, стервец нагло врет. Он понимал, что я понимаю, что он врет. Однако я поддакивала его рассказням, потому что мы оба, и я, и он, понимали – кому-кому, но уж точно не мне с моим крошечным бюджетиком выкаблучиваться. Я влезла в форд, завела мотор, и очень скоро выяснила, что мой форд – кобель.

– Как это? – не понял Джерард.

– Он останавливался у каждого столба. Тебе смешно, Джерри, а мне было не до смеха. Особенно когда после мытарств по дорогам и придорожным гостиницам я добралась до конечной цели моего путешествия. В тот же час, по закону подлости, пошел дождь. И форд, упрямый баран, встал на финишной прямой, увязнув колесами в грязи. Мне пришлось лезть в кусты за ветками, чтобы подложить их под колеса...

– Подожди, – подозрительно перебил ее Джерард, – Что было конечной целью твоего путешествия?

– Одно поместье, но погоди, не перебивай, об этом поз-

же, — Кэт стянула с головы капюшон своей парки, помолчала, вспоминая, — ты не представляешь, как я была измучена к сему судьбоносному моменту, Джерри. Мне каждую секунду хотелось попеременно то рыдать, то ругаться. Я выламывала лапу у ели и молила Небо послать мне помощь. Форд стоит, до отправки самолета в Нью-Йорк осталось три часа, я не успеваю ни туда, ни сюда. Опоздать не могу, потому что на новые билеты у меня попросту нет денег. В общем, ...трудноразрешимая ситуация. И тут — спасение! По дороге, ведущей с вершины холма, на который мне надо забраться, петляет автомобиль! Я выскакиваю на дорогу, протягиваю руки — о, чудо, мои молитвы услышаны! О, вот ты, принц на белом коне, спаси меня! Принц подбирается поближе, въезжает колесами коня в самую грязную лужу, которую только можно отыскать на всей этой дороге, и окатывает меня дождем насыщенного бурого цвета.

Кэт сделала паузу. Трагичными глазами долго смотрела на Джерарда, который, почему-то, слегка покраснел. Видимо, из чувства стыда за соотечественника.

— Вот что ты обо всем этом думаешь? — просила она с надрывом.

— Ужасно, — проникновенно посочувствовал Джерард, — каков подлец...

— Не то слово, — Кэт мстительно сморщила переносицу, — Еще знаешь на такой крутой тачке серебристо-серого цвета. Прямо Джеймс Бонд. А ты, Джерри, на какой тачке едешь?

– Я? – Джерард с хладнокровием разведчика выдержал ее пытливый взгляд, – Я вообще машины не люблю. Езжу на велосипеде.

– На велосипеде? Как интересно! И в аэропорт ты приехал на велосипеде? В таких-то ботинках?

– В аэропорт приехал на такси. Э-э-э, слушай, Кэт, – Джерри снял кожанку, разместил ее на спинке кресла. Остался в тонком шерстяном свитере, подчеркивающим рельефность грудной клетки, – Ты наверняка сделала кучу фото, путешествуя по Шотландии?

– Фото? Нет, – засмотревшись на мощную грудь и руки шотландца, Кэт запомнила, что собиралась развить тему с машиной, – я плохой фотограф. Обычно делаю зарисовки. Оттого и приехала к поместью с опозданием, что убила на них уйму времени.

– Ты рисуешь?

– Ну да. Моя работа отчасти. В Шотландию меня привели в основном художественные дела.

Она порылась в своей стильной сумочке, разительно противоречащей выбору одежды, достала большой блокнот в твердом переплете, протянула его Джерри.

– Хочешь – взгляни.

Он раскрыл блокнот на середине. Там с большим мастерством был нарисован цветок чертополоха на колючем стебле. Джерри перевернул страницу, увидел волынщика. По пояс голый, усаженный, в килте, со спорраном на бедрах, в гетрах и

ghillie brogues на ногах волынщик во всю силу легких дул в волынку.

Стал листать дальше: блокнот был заполнен рисунками, сделанными простым карандашом. В руке художницы ощущался профессионализм и талант. Джерри видел пейзажи – горы и долины с пасущимися на них отарами овец, рассматривал замки, порой мрачные цитадели, порой легкие особнячки с островерхими крышами. Его взгляду предстал нарисованный паб с вывеской, гласившей “Three chimneys”. За пабом следовала пивная бутылочка, на этикетке которой кельтской вязью значилось «Fraoch. Heather Ale», а рядом стопочкой шли, видимо, к месту упомянутые и нетвердой рукой записанные стихи Стивенсона о малютках-медоварах и вересковом меде.

На следующей странице красовался воинственный шотландский король в летящей по ветру мантии. Он въезжал на утес на боевом коне, простирая свою карающую длань к волнам моря, в которых его волей только что погибли два упрямых пикта – последние хранители волшебного рецепта. На следующем развороте он задержался дольше обычного.

– Кэт, где это? – Джерри указал на картинку. Холм, на вершине его, словно корона, ровное кольцо из вертикально поставленных камней.

– Этот кромлех? – Кэт заглянула в тетрадку, – Точно не помню. Стоячие камни у вас тут не редкость.

– Точно такой же кромлех есть недалеко от моего дома... –

Джерри погрузился в изображенную карандашом Шотландию, – Что правда, то правда. На нашей Альбе много Мест Силы, воздвигнутых друидами.

Перелистнув страницу, он ругнулся, выразительно модулируя интонацию голоса.

– Хо-хо! – заулыбалась Кэт. – Возьму на себя смелость предположить – это был гэльский?

– Не нашел подходящих английских слов, чтобы выразить, – Джерард указал на очередной рисунок, – восхищение.

– Дай пять, мы оба мастерски ругаемся на непонятных наречиях! – она звонко ударила своей ладошкой по подставленной широкой ладони.

– Черт возьми, Кэт, это очень красиво. Кто она?

– Спасибо. Она – прекрасный фантом, которого видели лишь избранные. И увидев, уже не смогли забыть. Я вряд ли могу отнести себя к числу этих счастливиц: встречала только эскизы с ее изображением, один раз читала описание готовой картины. Это Ундины. Миру она не известна, как не известен и гений, создавший ее.

Кэт замолчала. Он пожал плечами в знак того, что с Ундиной не знаком.

– Дай мне, – она забрала у него блокнот. Пальцами погладила рисунок. На нем изображалась полуобнаженная девушка с глазами лесной феи. В брызгах и пене, словно Афродита, выходящая из воды. Тонкое, изогнувшееся в движении тело окутывала волна длинных волос. – Ее нарисовал ху-

дожник-прерафаэлит. Кем она ему приходилось – неизвестно, скорее всего, возлюбленной, потому что на всех картинах Бойса у женщин ее лицо.

– Бойса? – переспросил Джерард. – Не слышал.

– А хочешь услышать?

– Очень хочу, – Джерри наклонился к ней ближе.

Ко всему, что она рассказывала, он проявлял неподдельный интерес. Ей это нравилось.

– Ты знаешь, кто такие прерафаэлиты?

– Знаю, художники. Я видел «Офелию» Милле в галерее Тейт.

– Верно. Прерафаэлиты были реформаторами, в корне поменявшими вековые принципы изобразительного искусства. Их техника письма была фотографической, краски – насыщенными и яркими. В сюжетах присутствовал глубокий символизм, а герои, в основном женщины... Их женщины не были скромными, чопорными, сдержанными, целомудренными, как у академистов. Они были эротичны и чувственны. Будоражили воображение... Вспомни Офелию, взгляни на Ундину, пусть даже она кое-как срисована мной со старых эскизов, и ты поймешь о чем я говорю.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – отозвался Джерри.

Он не смотрел на Ундину. Он не мигая смотрел на Кэт. Серые глаза потемнели, как грозовое небо. Она не отвернулась вовремя, позволила себе тонуть в его глазах, но рассказ продолжила:

– Прерафаэлит Бойс оставил небогатое художественное наследие. Его картины есть в нескольких частных коллекциях. С некоторых пор я их изучаю. Создаю каталог, в который войдут работы художников-основателей Братства Прерафаэлитов. И Бойса в том числе. Каталог почти готов. Но в нем нет Ундины. Она упоминается в архивных записях, разок всплыли эскизы картины. Но самой ее нет. Я ищу ее, пока не найду, последняя страница каталога останется пустой.

– По твоим словам, нарисовавший ее Бойс – гениален, но широкой общественности не известен, – заметил Джерри. – Это не логично, Кэт. Прерафаэлит, говоришь? Британец? Мы, британцы, предпочитаем знать своих героев...

– Полностью согласна, – кивнула Кэт, – не знать художника, такого как Бойс – преступно. Но он неизвестен. Что он был за личность? Где он жил? Нет даже мелких деталей его биографии. Только имя – Бойс, и несколько картин потрясающей красоты, подписанных этим именем. Если Ундина – фантом, то ее создатель еще более призрачен. Есть версия, что Бойс – это псевдоним. Но кто скрывался за ним?...

– Да уж, загадок – море. Как ты собралась их разгадывать? Есть зацепки?

– Хм, – Кэт закрыла блокнот, постучала ногтями по тисненой обложке, раздумывая. И снова раскрыла, показав Джерри фотографию, лежавшую между страниц, – Это фото я изпод полы сделала в Саутгемптоне, в галерее Millais, посвященной художнику Джону Милле, с риском заплатить заоб-

ланный штраф. Из письма становится ясно, что картина завершена. Автор письма говорит, что видел ее. Его описание полотна полностью совпадает с существующими зарисовками.

– Дай взглянуть, – он взял фотографию письма, прочел первые попавшиеся на глаза строки «...как Венера Боттичелли, но гораздо более прекрасная. Прекраснее в десятки тысяч раз. Она источала свет, переливалась и играла, как лучик солнца играет на подернутой рябью воде. Она была живая. Клянусь тебе, я ...» ...Какая-то белиберда.

– Письмо хранится в папке, недавно найденной неизвестно где и переданной на хранение в музей Millais, – Кэт забрала фото, – Помимо этого письма, я ознакомилась еще с кое-какой корреспонденция, которую нашла там же – в папке. Письма, приходившие на имя Милле из Шотландии. Из поместья – тут внимание – Тэнес Дочарн. Ты понимаешь меня, Джерри? Художнику-прерафаэлиту Джону Милле писали из Тэнес Дочарн. Писала женщина. Рассказывала о своем сыне Лайонеле, о его пошатнувшемся здоровье. В одном письме есть такие слова: «Отец по-прежнему настроен враждебно по отношению к занятию сына, нет причин думать, что мнение его поменяется. Смирись с этим, Джон. Боюсь, реализовывать задуманное вам придется без Лайонела»... Она обращается к художнику, Джерри, которому в ту пору было двадцать лет – самое время зарождения Братства. Понимаешь, к чему клоню? Боюсь делать скоропалительные выводы.

ды, но, похоже, призрачный Бойс и этот Лайонел из Тэнес Дочарн – одно лицо!

– Тэнес Дочарн, – хмыкнул Джерри, – Лайонел... Слушай, я хорошо знаю Тэнес Дочарн и тех, кто живет в поместье. Никаких художников в роду МакГреев в помине не было. Там все куда более прозаично – эль и виски.

– Ты уверен? – Кэт заметно помрачнела.

– Абсолютно. Там есть маленькая гостиница для туристов, которые путешествуют по винокурням Высокогорья. Есть овцы, козы, у хозяйки – целый выводок скотч терьеров. Что еще есть?... Виски и эль... Говорил уже. Короче, есть все, кроме картин и художников... Такого добра не имеется.

– Завидная осведомленность, – она сердито захлопнула блокнот и сунула его в сумку.

– Шотландия – страна маленькая. Мы здесь всё друг о друге знаем, – Джерри наклонился к ней. Горячее дыхание коснулось ее шеи. Аромат его одеколona дразнящее защекотал ноздри. Она почувствовала, как покрывается гусиной кожей от этого будоражащего запаха.

– Откуда ты взялась такая? С прерафаэлитами и русской бранью?

– Я уже говорила тебе – из России. Только русские девушки имеют привычку болтать лишнего.

– А чем объяснить звучное «Кэт Шэддикс»?

– Не Кэт, а Екатерина. В девичестве Романова, родом из Санкт-Петербурга. Люблю искусство и работаю искусстве-

дом. Мои родители эмигрировали в США, когда мне было тринадцать. Сейчас мне двадцать шесть.

Из всего потока ее речи Джерри зацепился за слово «в девичестве».

– Ты замужем? – спросил он ее.

Кэт взглянула на него.

– Была замужем, но давно быть там перестала. От того смутного времени осталась лишь фамилия.

Он коснулся ее рукава:

– Ты отыщешь свою Ундину. А вместе с ней загадочного Бойса, то есть, того, кто под этим именем скрывается.

– Хорошо бы, – покачала светловолосой головой девушка, – но где теперь искать их, раз ты утверждаешь, что в Тэнес Дочарн про них слыхом не слыхивали...

Из начала салона донеслось мелодичное позвякивание посуды. В проход въехала обширная тележка с напитками, которую толкала перед собой хорошенькая стюардесса в синей форме.

– Я знаю, чем тебя приободрить, давай закажу чего-нибудь освежающего? – предложил Джерри.

– Закажи, – она вздохнула, потянулась, подложила свою сумочку себе под поясницу, – Пока ты заказываешь, я сбегая, носик попудрю. Будь добр, убери свои роскошные длинные ноги и дай мне выбраться.

Джерри встал, выпуская на волю соседку. Она волной протиснулась между креслами, направилась в нос лайнера.

Джерри отметил про себя, что шею и спину она держит очень ровно. В проход высунулся и стал пялиться на Кэт один из парней, сидевших поблизости. Джерард резким движением размял плечи.

– Что тебе взять, Кэт? Слышал, русские предпочитают водку! – крикнул он девушке.

Она остановилась, оглянулась.

– Да, возьми мне водки! Я выпью и приму на себя управление лайнером. До Нью-Йорка не долетим, зато повеселимся.

Исчезла. Пассажиры стали оглядываться на Джерри, зашептались. Он, смеясь, рухнул в кресло. Подъехала стюардесса с тележкой:

– Водку, сэр? Я правильно поняла?

– Мы пошутили, – он жестом отказался от прозрачных скляночек, которые протянула ему женщина, – Давайте содовую.

Стюардесса передала Джерарду два высоких стакана со льдом, до краев наполненных сладкой шипучей жидкостью. Тележка поползла дальше. В начале салона появилась Кэт, отыскав его взглядом, заговорщицки подмигнула и, облокотившись на одно из кресел, стала ждать, когда тележка минует ее и позволит вернуться на место. Попивая содовую, Джерард наблюдал за Кэт.

Было заметно, что она очень устала. Медленно моргает, под глазами пролегли круги. Она избавилась от своей безраз-

мерной толстовки, обвязав ее вокруг талии. Осталась в облегающей черной водолазке без рукавов. Стоит в позе, позволяющей рассмотреть ее хрупкое тело с высокой, полной грудью. Выгнутое бедро переходит в талию, столь узкую, что кажется, охватить ее он сможет двумя ладонями. У нее красивые руки и светлая кожа, кажущаяся ослепительно белой на фоне темной ткани водолазки.

«Грациозна, словно балерина, – Джерри сделал глоток содовой, – красавица. А ведет себя так, будто не осознает своей красоты».

Тележка укатила. Он поднялся, встречая попутчицу. Та приблизилась, пробралась на место, порывистым движением головы откинула челку с глаз и попробовала напиток. Джерри, прежде чем сесть, осмотрелся. Заметив, что недавний парень двусмысленно ухмыляется и показывает поднятый вверх большой палец руки. Подавил горячее желание двинуть ему в челюсть. Все вмиг стало сложным и запутанным.

Глядя искоса, он стал изучать ее точеный профиль – высокий лоб, прямой тонкий нос, круглый подбородок. Полные губы... Он понял вдруг, что очень хочет запомнить это лицо. Запомнить на нем каждую черточку, чтобы и через пятьдесят лет с точностью воспроизвести его в памяти.

– Ты обещал водку, – капризничала Кэт, – я успела настроиться на грядущее веселье.

У нее были пушистые, завивающиеся крупными кольца-

ми волосы медового оттенка, который он заметил только что. Густая челка падала на глаза, задевая длинные ресницы. У мочек ушей пряди были подстрижены и непослушно топорщились, от чего их обладательница немного смахивала на мальчишку. Своенравного сорванца.

– Я решил – это чревато, – он пристально смотрел на ее соблазнительный рот, чего она не замечала.

– Наверное, ты решил, что я начну наигрывать на балайке?

– Понятие не имею что такое бай...лай... Я подумал, ты пустишься в пляс.

– С чего бы вдруг?

– С того, что ты танцовщица. Тебя выдает стать. Ты танцуешь, Кэт?

– Танцую, – ее губы усмехнулись. Он стал рассматривать золотисто-медовые пряди ее волос, заправленные за уши, – С расческой перед зеркалом под Dancing Queen.

– А если серьезно?

– Если серьезно, – она сделала глоток, покрутила шейкой, – да, я занималась балетом до тринадцати лет, пока жила в Питере. Но это было давно и не правда. Мы переехали в США. Волею судеб я поступила в академию искусств в канадском городе Галифакс. Только не проси меня рассказывать тебе про мои студенческие годы, Джерард.

Она повернулась к нему, янтарные глаза встретились с серыми.

– Почему нет?

– Потому что...

«Потому что у тебя красивый до одурения голос, бархатный, с хрипотцой, в лучших традициях романтического жанра. Еще этот акцент... Ах, Джерри, сукин ты сын»...

– Потому что с момента взлета я болтаю без умолку. Ты, что, психоаналитик, чтобы выслушивать мой бред? А может шпион? Ждешь, когда я выболтаю тебе всю подноготную, вплоть до пин-кодов к моим кредитным картам и прочим интимных вещей.

– Твои кредитные карты пусты, Кэт, ты сама мне это недавно сообщила, – по-волчьи ощерился Джерард, проводя пальтерней по темным волосам.

– Тогда зачем тебе моя болтовня?

– Мне просто нравится наш диалог.

– Монолог, ты хотел сказать, – Кэт опустила ресницы.

– Пусть так. Поговори со мной еще. Расскажи что-нибудь, – он дотронулся до ее кисти, лежавшей на подлокотнике.

– Ладно, – она хотела казаться спокойной. Но на деле давно погрузилась и в его обволакивающий тембр голоса, в его взгляд, в его запах.

У нее нашлось, о чем порассказать. Через несколько часов лайнер зашел на посадку в аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Крылатую машину легонько тряхнуло, шасси коснулось бетонированной поверхности взлетной полосы, за

стеклом иллюминатора в темноте замелькали сигнальные огни. Кэт все еще говорила, все еще рассказывала что-то, Джерард слушал, а турбины, рокоча, гоняли воздух и постепенно стихали.

Глава 3.

Шотландия, XIX век.

– Джон Милле, ты герой!

Одноместный кэб, украшенный потемневшим от старости гербом, выплясывал на кочках и выбоинах. Джон Милле сидел на жестком сиденье позади завернутого в звериную шкуру, патлатого кучера. Любовался пейзажем.

– Ты герой, Джон Милле! – повторил всадник, ехавший верхом на породистом караковом жеребце рядом с экипажем. Это был красивый, плечистый юноша лет двадцати-двадцати двух в плаще и шерстяном берете на темных, выющихся волосах. – Ты достоин лучшей награды!

– Что во мне героического, Бойс, не скажешь? – Джон подпрыгнул на очередной кочке и мучительно сморщился. На втором часу путешествия по горной дороге его отбитый зад вопиял и молил о пощаде.

– Ты спас меня от смерти, приехав во время, – проникновенно сообщил всадник, сдерживая своего горячего коня, который все норовил пуститься галопом, но вынужден был тащиться рядом с еле ползущей повозкой, – день-два, и я бы благополучно преставился со скуки среди всех этих холмов

и долин. Ты глянь, красотища, аж зубы сводит!

Джон послушно огляделся. Всадник не лгал.

Гордые горы, обступившие путь, теснили друг друга гранитными плечами. Над ними рокотало небо. Ветер, пахнувший близким морем, чесал косматые вихры вереска. Из-за склонов холмов выплывали обширные поляны, на них паслись стада высокогорных шотландских коров. Животные, жуя, провожали погромоухивающий экипаж враждебными взглядами из-под спутанных челок.

– Волшебные виды, – подтвердил Джон, – мне кажется, я попал в балладу о Макбете. Все жду, когда из тумана возникнут три ведьмы и начнут предрекать мне будущее. Однако ты упомянул награду, друг. Чем ты собрался наградить меня за приезд?

– Ты забыл, какой завтра день, Банко? – ощерился всадник.

– Первое мая, что с того? Почему ты скалишься, как сатана? Задумал проказу?

– Поверить не могу, ты забыл, что завтра Бельтайн! Ты, сказочник, грезящий о ведьмах, духах и водяных! Друг чертенят и товарищ нечисти, кум призраков, гномий собутыльник, чародей кистей и красок! Забыл, что завтра самый волшебный день в году после Самайна? Праздник кельтского божка Белена, который вызовет с того света орды веселых мертвецов! Завтра у Круга Друидов, что в тридцати минутах езды от моего дома, будет шабаш, Милле. Я отведу тебя ту-

да. Ты попадешь в сказку, в самое пекло!

«Первое мая, – подумал Милле, вслушиваясь в болтовню друга, – надо же, мы не виделись три месяца, а кажется – вчера расстались».

Лайонел Бойс был единственным другом Джона, они вместе учились в Королевской Академии художеств в Лондоне, вместе жили, вместе познавали секреты живописи. Два лучших ученика, одинаково одаренных, но при этом совершенно разных. Один спокойный и рассудительный, второй – настоящий сорванец.

В феврале Бойс уехал домой в Шотландию. В родовое поместье Тэнес Дочарн, расположенное в Шотландском нагорье недалеко от городка Каррбридж, его вызвали семейные обстоятельства. Из этого самого поместья Бойс едва не направился напрямиком на кладбище.

– Как тебе моя идея с шабашем, Милле? Готов к приключению?

– Я-то готов. Лишь бы ты не начал умирать.

– С умиранием покончено, Джон. Я здоров как бык. Хотя не скрою, было худо. Я горел в аду, харкал слизью две недели. Мой грум подтвердит. Подтверди, Норри.

Возница буркнул что-то по-гэльски.

Болотная лихорадка, свирепствующая по весне в здешних верещатниках, больше чем на месяц уложила Бойса в постель. Мать Бойса писала Милле, когда ее мятущийся в горячке сын был не в состоянии держать перо, что расчи-

тывать на лучшее они пока не смеют. Слава небесам, молодой организм победил недуг. Бойс выбрался из постели худой, трясущийся от слабости, обескровленный. Но быстро набрался сил и принялся страдать от избытка энергии и скуки.

Стоило ему заикнуться о визите Милле в Шотландию, как Джон покидал вещи в чемодан и уже через день трясся в дилижансе, идущем до Каррбриджа. Он здорово соскучился по другу, по его задору, которого остро не хватало в чопорной атмосфере Лондона.

– Расскажи мне про Лондон, Милле!

– Лондон стоит, Бойс. Все по-старому.

– А Братство? Как с ним обстоят дела?

– Я каждую неделю слал тебе письма в твою глушь, Бойс. Описывал последние события. Излагал последние новости. Со щепетильностью отпетой сплетницы перемывал косточки нашим общим знакомым. Не говори мне сейчас, что я делал это напрасно. Ты читал мои письма, Бойс?

– Я ими зачитывался!

– Значит ты в курсе дел Братства. Ты на редкость осведомленный человек для вашей дикой местности.

Бойс весело рассмеялся.

Год прошел с тех пор как на одной из лондонских выставок они познакомились с двумя юными художниками, друзьями, вроде них самих. После вечера возлияний и споров выяснили, что нашли единомышленников, мечтателей, гото-

вых воевать, менять стереотипы, творить по собственному замыслу в обход академизма, как творили Рафаэль, Перуджино, Фра Анжелико. Так в Лондоне родилось и теперь ожидало их готовое к действиям молодое прерафаэлитское братство.

«Сотни, тысячи путей перед нами, – подумал Милле, плотнее обматываясь шарфом и разглядывая заплетенную в косички гриву коренастой пони, медленно, но верно влекущей кэб вверх по пригорку, – горизонт бесконечен, сил – в избытке. Сколько всего мы сможем сделать вместе, Россетти, Хант, я, Бойс. Сколько всего изменим...»

– Знаешь, здесь у нас верят – человек, которого ты встретишь в Бельтайн, изменит твою жизнь навсегда, – проговорил Бойс, вырывая Милле из раздумий.

– Неужто?

– Да. Смотри, Милле, как бы тебя не окрутила хорошенькая селяночка, чтобы из художника превратить в добропорядочного фермера.

– А сам ты кого опасаясь? Темпераментной колдуньи верхом на метле?

– Я, – синие глаза Бойса блеснули озорством, – как раз ничего не имел бы против темпераментной колдуньи. Смотри, мы почти приехали. Вон мой дом, Милле.

Повозка подползала к обширной подошве холма. К вершине по одному из склонов вбегала дорога. Там, кутаясь в прохладных высотах, стояло поместье Тэнес Дочарн.

Приезд Милле отмечался с помпой. Родители Бойса распорядились накрыть обильный стол в готической зале с мраморными полами и гобеленами на стенах, отапливаемой аж тремя каминами, устроили нечто вроде пира на старый манер.

– Мы безмерно рады вашему приезду, Джон, – обезоруживающе улыбнулась мать Бойса.

Джон церемонно склонился над своей тарелкой, стараясь скрыть смущение. Он знал миссис МакГрей заочно, по письмам, которые она писала ему в период болезни Бойса. Но и представить себе не мог, что эта женщина, пишущая изысканным почерком, настолько хороша собой. Девичий стан, грустные глаза глубокого сине-зеленого оттенка, все еще свежая, белая кожа. Сын перенял ее аристократическую красоту, статью пойдя в мощного отца.

– Задержусь ровно на столько, чтобы не надоест вам, миледи.

– О, ну тогда вам придется поселиться у нас!

– Простите меня, миледи, но я не мыслю жизни без Лондона.

По рассказам друга Джон знал, что леди Элеонора вышла замуж в восемнадцать лет, когда ее избраннику, лорду МакГрею, было почти сорок. На момент второго брака шотландец много лет вдовствовал, был почти разорен. Он имел сына от первого брака, но тот пропал без вести в юном возрасте, не

вернулся домой с охоты. Когда это случилось, лорд был уже женат на Элеоноре, общему сыну супругов Лайонелу было около пяти лет.

За счет богатого приданного, которое принесла с собой Элеонора, происходившая из купеческой семьи, не аристократичной, зато очень богатой, МакГрей поправил дела поместья. Отец и сын боготворили свою счастливую звезду в лице жены и матери. Сам Бойс, не желая злить отца, ненавидящего занятий сына живописью, в качестве творческого псевдонима пользовался непретенциозной на его взгляд фамилией бабушки со стороны матери. Хотя по происхождению он был МакГреем.

– Надеюсь, до свадьбы вы задержитесь, Джон? Она планируется на июль, осталось всего каких-то два месяца. За это время Лондон не сгорит и не рухнет, – изящной ручкой леди МакГрей сделала служанке знак, чтобы та собрала тарелки и начинала подавать десерт.

– Какой свадьбы, осмелюсь спросить? – Джон не донес до рта вилку с куском пудинга.

– Вы не знаете? Лайонел, почему ты молчишь, не говоришь другу, что скоро женишься? Ему повезло с невестой, Джон. Дейдра очень красива.

– Самое главное, она достаточно богата, – вмешался лорд МакГрей, отец Бойса, сидящий в высоком дубовом кресле во главе стола. Шестидесятилетний хозяин поместья громовым голосом и львиной внешностью производил сильное впечат-

ление.

– Достаточно богата, чтобы ее муж мог не заботиться о доходах, а продолжал страдать бездельем, которое принято называть красивым словом «живопись».

– Рейналд, – Элеонора успокаивающе погладила мужа по руке.

– Ты тоже художник, парень? – спросил МакГрей, сжимая на скатерти пудовые кулаки, – Тоже малюешь баб и розочки?

– Да, сэр, – Милле против воли стало стыдно. Он глотнул эля из чеканного кубка.

– Одну из тех вон штук когда-нибудь держал в руках? – МакГрей указал на стену, где висели мечи, боевые топоры, секиры, рогатины, пики, палаши, копья. – Нет? Молодежь пошла... Весь цвет моего клана poleg в якобитских восстаниях, юнец. Нам пришлось отказаться от имени предков, чтобы не сгинуть в гонениях, устроенных англичанами. Всю жизнь жалею, что не родился в те славные дни... МакГреи выступали, яростные и сильные. Медведи, а не люди! Один наш воин стоил десяти англичан... Поле битвы залила благородная шотландская кровь, к небу летел голос волиньки... Чай? Зачем мне чай? Уберите от меня ваше пресное пойло! Подать виски!

– Тише, любовь моя, не горячись, – в полголоса уговаривала разгорячившегося МакГрея Элеонора. Лохматые борзые под столом с урчанием грызли бараньи мослы.

После обеда Милле и Бойс вышли на воздух. Поместье Тэнес Дочарн, имевшее два этажа и высокую крышу с мансардными окнами, было построено в форме пентагона. Его углы обозначали пятиугольные башенки. Позади особняка раскинулся сад, походивший на дикую рощу. Бойс повел туда Джона сквозь арочную, увитую традесканцией перголу.

– Смотри, – сказал он, указывая на серые развалины, что просвечивали сквозь гибкие стволы ясеней, пушистые кусты можжевельника и падуба, – Вот все, что осталось от исполинских башен и куртин замка Дон Эрк, возведенного во времена королей Дал Риады. Непрístupная когда-то стена грозной крепости, а ныне лишь горстка поросших плющом руин.

– Превосходная иллюстрация того, что бытие зыбко, могущество иллюзорно, а человек высокомерен, думая, что стена его дома непрístupна. Прошло время. Нет Дал Риады. И мы созерцаем руины. – заключил Милле.

– Ты прав, – согласился Бойс, – Но старое после смерти дает жизнь новому. Наше поместье возведено из камня разрушенной крепости.

Утонувшее в клубках жимолости, из глубин сада вынырнуло маленькое здание с острым шпилем – часовенка. Рядом с ней показалось еще строение, более грубое, приземистое.

– Из того же материала построены часовня и фамильный склеп, – добавил наследник МакГреев.

Молодые люд подошли к затону, что поблескивал зеркальной гладью поверхности в самых дебрях сада.

– «Где ива над водой растет, купая в воде листву серебристую, она туда пришла в причудливых гирляндах из лютика, крапивы и ромашки. И тех цветов, что грубо называет народ, а девушки зовут Перстами Покойников. Она свои венки повесить думала на ветках ивы, но ветвь сломилась. В плачущий поток с цветами бедная упала. Платье, широко распутившись по воде, ее держало, как русалку»... – прочел Бойс, – Это любимое место моей мамы.

Милле посмотрел на согбенную иву, опустившую косы в темный пруд, на заросли молодой крапивы и таволги, на белого лебедя, выплывшего из заводи.

– Здесь утонула Офелия, – догадался он.

– Только это тебя не особенно трогает. Тебе не нравится у нас, Джон, – заключил Бойс, сорвал прут, замахнулся им на подплывшего поближе лебедя. Птица выгнула шею, взмахнула крыльями и зашипела.

– Слушай, – повернулся Джон к другу, – почему ты не сказал мне, что женишься?

– Это не важно, – Бойс поморщился, как от порции касторки. – Женюсь и женюсь, что особенного?

Милле пренебрежительно дернул щекой. Пускаться в объяснения он не собирался. Художник должен быть свободен, как апостол, готов к свершениям, к битвам, реформам.

Мальчишка Бойс собирается обвешаться пудовыми цепями супружества и навечно приковать себя к месту. Что ж. Парню всегда была свойственна некоторая ветреность, и

глуп был Милле, ожидая от друга посвящения братству. Жениться? Ему? Соблазнившему не одну дюжину девиц и дам разного возраста, достатка и положения? Сомнительная афера.

– Ты не прав, – сказал Бойс. Он знал друга, как облупленного, по лицу читал то, что было у Джона на душе, – мой отец хочет, чтобы я женился, и я сделаю это – он итак считает меня позором рода. Но жениться – не значит, просидеть у юбки жены всю оставшуюся жизнь.

– И как долго ты намерен сидеть у юбки жены? – буркнул Джон.

– Неделю, самое большее – две. Мы поженимся. Я удостоверяюсь, что моя суженая понесла, (а это непременно случится и случится быстро). Потом отправлюсь в Лондон. Второй раз моя жена увидит меня в день родов.

– Считаешь, она будет довольна подобным супружеством?

– У нее нет выхода. Это единственный способ заполучить меня в мужья.

– Ты проходимец, Бойс. Почем знаешь, что она быстро забеременеет?

– Моя будущая жена – Дэйдра Джойс, из Джойсов, что сродни моей матери. Мама говорит, их женщины плодovиты, словно кошки. Дэйдра родит, мама станет помогать ей воспитывать ребенка. Моряки и солдаты тоже женятся, но это не значит, что после свадьбы они не видят моря и битв.

– И когда свадьба?

– Вот видишь? – Бойс глумливо захохотал. Белый лебедь не выдержал вопиющего нарушения спокойствия, возвратился в свою тихую заводь, – Ты уже не против!

– Тебе известна моя позиция, Бойс. Если дело не страдает, не страдаю я. Мне нравится у вас, я даже знаю, чем займусь до дня твоей свадьбы – буду рисовать ваш пруд.

– А где возьмешь Офелию?

– Ты говорил, завтра Бельтайн. Встречу там. Если не встречу, ты нарядишься в платье и заменишь мне ее.

– Бельтайн, – произнес Милле. От сказанного вслух слова на него дохнуло ночью, страхом, сладострастием и жаром костров. – Ты решил меня развлечь тем, что повел на бал к дьяволу.

Они ехали по темнеющей равнине мимо терновых рощиц и крохотных озер. Бойс на своем караковом жеребце по имени Альпин, который никого кроме хозяина не признавал. Милле на покладистой красивой кобылке Моргане, принадлежавшей леди МакГрей.

– Бельтайн, – отозвался Бойс, водя в воздухе плеткой, как кистью, – день лета, день любви, день плодородия. Мы едем на холм, Милле, на вершине которого вздымается древний кромлех. В доисторические времена там приносили кровавые жертвы друиды. Со Средневековья там празднуют свои шабаши наши родные ведьмы. Сегодня они соберутся опять.

Кони вступили в быстрый поток, пересекающий долину

наискось. Копыта зацокали по меловому дну. Миновали реку, въехали в редкий лесок.

– Смотри! – Бойс концом плетки указал направление. Милле отвел от лица ветвь и увидел впереди мерцание огней, слышал пение.

– Ведьмы поют, водят хороводы. Сегодня грань между прошлым и будущим тонка, пали преграды, мертвецы потоком хлынули в мир живых, чтобы танцевать и веселиться. Пляшет воскресшая Рианнон, пляшет Зеленый Джек. Паки, гномы, эльфы, призраки, вампиры, духи, и фавны. Гремит гобой, кипит сидр. Пылают костры. Скоро выйдет из леса король-олень. Скоро будет избрана Майская Королева. Сгорит Плетеный Человек. Видишь, Милле? Слышишь? Шабаш! Ха-а!

Бойс хлестнул коня и помчался вперед. Моргана рванула следом, Милле с трудом удержался в седле. Сотрясаясь от бешеной скачки, на них надвигался курган, увенчанный каменной короной, обвитый кольцами костров, гремющий музыкой и барабанным боем.

Бойс первым подлетел к холму, въехал вверх по склону, спрыгнул с седла, кому-то кинул поводья, что-то радостно закричал в разношерстную толпу. К нему подбежала девушка с распущенными волосами в мелкую кудряшку и подала кувшин. Бойс напился из него, пролив часть жидкости на рубашку, передал кувшин подъехавшему Милле. Девушка утащила его толпу танцующих.

В кувшине был сливовый сидр, который ароматил так, что перехватило дух. Пока Джон пил, мохнатое существо, похожее на грума Норри, увело прочь его кобылу. Он вытер губы рукавом и огляделся.

Бойс бессовестно лгал, перечисляя всю мыслимую и немыслимую нечисть. Не было нимф и упырей. Были обычные люди, парни и девушки, мужчины и женщины, старики и старухи. Пестрые платья, цветные шарфы, рогатые маски прыгали через костры, кружились, падали, смеялись, пели. В волосах развевались ленты, звенели бубенцы. Жарко пылали можжевельные поленья.

Сидр был крепок, мир вокруг Милле покачнулся и поплыл. Вдруг от вращающегося с бешеной скоростью хоровода что-то отделилось. Какой-то кудлатый клубок подлетел к Джону и ударил его в грудь. Художник не устоял, засеменил назад и во весь рост растянулся на траве. Он ошалело глянул вверх – над ним стояли музыканты. Один из них, скрипач в треуголке из-под которой торчали седые букли, подмигнул Милле огненным нечеловеческим глазом и протянул руку.

Джон ухватился за нее. Рывком его поставили на ноги. Дородная грудастая женщина в старинном головном уборе несколькими ударами ладоней выбила пыль из его костюма и, забористо дыхнув винными парами, чмокнула его прямо в губы.

«Ведьма!» – юноша испуганно шарахнулся прочь от хохочущей целовальщицы.

Спиной натолкнулся на здоровяка в сутане католического священника и тиаре на лысой голове. Священник развернул его к себе лицом, погрозил пальцем. И пхнул художника в самый водоворот танцующих. Взыла волюнка, загрохотали барабаны, в огромном костре рухнули поленья, подняв в воздух сноп огненных мух. В плечо впились чьи-то пальцы. Пляска началась. Парни и девушки исчезали один за другим – вокруг скакали уже не люди, а сатиры, черти и лешие.

Он не помнил, как оказался вне круга. Кровавым пламенем занялся Плетеный Человек – свитый из ивовой лозы высоченный болван, набитый сеном, травой и цветами. Его заслонила душная дымовая завеса. Сопя и кашляя, Милле разглядел перед собой тропку, ведущую вниз в темноту, и сбежал по ней. Теперь холм светился и гремел наверху. Джон стоял в поросшем папоротником логоу, где было на удивление тихо – шум долетал сюда будто бы издалека, из-за толстой каменной стены... Он побежал прочь от разверзшегося над головой ада к растущим поблизости раскидистым деревьям.

– Сукин сын... – тяжело дыша, беглец ткнулся лбом в шершавый, влажный от росы ствол, – Завез в преисподнюю. Леди МакГрей, где вы, ангел? Спасите меня от вашего сына. Пока ему в голову не пришло что похуже участия в ведьмовской оргии.

Поблизости раздался то ли стон, то ли громкий вздох. Джон замолчал и замер. Он не ожидал получить ответ на свою полусерьезную молитву, обращенную к матери Бойса.

Прислушался. Сначала было тихо, лишь шелестели листья, да гремела музыка на дьявольском холме.

Вздых повторился, уже ближе, отчетливее. Через мгновение Джон услышал еле уловимое пение. Оно доносилось из глубины рощицы, как фантом исчезающее, легкое, и такое нежное, что невольно защемило сердце. Не до конца веря ушам, Джон раздвинул руками колючие ветви куманики.

На открывшейся полянке стоял одинокий мегалит, неведомо кем перенесенный сюда из круга друидов. Рядом с камнем танцевала фея. Не касаясь ногами земли, вспархивала и опускалась, взмахивала руками-крыльями, мелодично подпевая своему стихийному танцу. В том, что это существо волшебное, Джон не сомневался – у смертной женщины не могло быть столь эфемерного, светящегося тельца, длинных, почти до щиколоток, волос, отливающих лунным сиянием.

– Где ты, Милле! – крикнули сзади.

Фея остановилась, опустила руки.

– Эй! Джон!

Джон неслышно чертыхнулся и бесшумно свел ветви, чтобы она не заметила его и не исчезла. Бойс снова крикнул. Милле затаился. Пусть покричит и уйдет. Среди беснующегося сброда на холме Бойс чувствует себя, словно рыба в воде. Пусть убирается к ним.

Бойс, однако, никуда убираться не собирался и ломился сквозь заросли не хуже оленя во время гона, безошибочно ведомый каким-то сверхъестественным чутьем. Наделав уй-

му шума, он возник рядом с Джоном и спросил:

– Прячешься от меня, Джонни?

Джон приложил палец к губам.

– Что такое? – слегка понизил голос Бойс, – Ты поймал дриаду?

– Кажется, да, – шепнул Милле, – но ты орешь, как стен-тор. Думаю, она испугалась и сбежала.

– Быть не может! – выдохнул Бойс, – Где?

Они вместе полезли в заросли куманики, с грехом пополам продрались к полянке. Бойс больно оцарапал шею о шип и выругался.

Фея никуда не делась. Несомненно, она слышала друзей, поскольку стояла теперь лицом к тому месту, откуда появились Бойс и Милле. Но обнимая камень прозрачными ручками, и словно ища у него защиты, на мужчин не смотрела. Глядела в усыпанное звездами небо. Выйдя на поляну, друзья встали в десятке шагов от нее, не зная, что делать дальше. Милле судорожно соображал, как поприветствовать неземное создание.

Фея опередила его, избавив от необходимости говорить. Рассмеялась счастливым детским смехом и запела. Голосок ее задрожал, как серебряный колокольчик. Милле не понимал ни слова, из того, что она поет. Бойс понял все.

Песня прервалась внезапно, как и началась.

– Как тепло, – сказала внятно фея, потерлась щечкой о поверхность камня, который обнимала, – теплый старик. Мне

интересно, почему Господь рассыпал столько звезд наверху? Наверное, он сильно проголодался, его большой петух.

Парни переглянулись.

– Ты красиво поешь, – решил Милле, делая шаг на встречу фее. Фея отвернулась и повторила.

– Ты красиво поешь.

Еще шаг навстречу.

– Откуда ты взялась здесь? Почему одна?

Она оторвалась от камня и побежала прочь, но на опушке остановилась, заговорила с лесом:

– Ты прилетел. Ты тоже один. И красиво поешь.

Милле беспомощно обернулся на Бойса.

– Она говорит с соловьем, дурень, – шепнул друг.

Только теперь Милле распознал соловьиную трель.

– Он поет для любимой, – пояснил художник фее.

– Для любимой, – девушка пошла вдоль опушки, ведя пальцами по стеблям и листьям. Ее странное белое платье, украшенное вышивкой на груди, свободно обвивалось вокруг хрупкого тела. – Я не одна. Мама танцует. Там очень громко. Я здесь. Мне нравится рядом со стариком.

Жемчужный смех. Фея закружилась.

– Как она хороша, – прошептал Милле, очарованный зрелищем, – Бойс, я в жизни не видел существа прекраснее...

– Это не фея, – тихо ответил друг. Он старался держаться в тени. – Обычная живая девушка.

– Я подойду к ней.

– Не вздумай. Не видишь, она не в себе. Она даже в глаза тебе не взглянет. Уйдем, Милле. Не нужно ее тревожить.

Лайонел взял друга за локоть и потянул на себя. Ему захотелось уйти с полянки, вернуться на холм. Там поджидала кудрявая крестьяночка, кажется, Джун, и обещанные ей плотские утехы. Но Милле врос в землю, не в силах оторвать глаз от чуда, которое представляла собой танцующая фея. Сам Бойс старался не смотреть на девушку. Хотя знал, что Милле прав. Его охватил непонятно откуда взявшийся суеверный ужас.

– Уйдем.

– Стой, Бойс. Мы не можем бросить ее тут одну.

– Она не одна. Сказала же – на холме ее мать.

– Соловей поет для любимой, – прошебетала девушка, – Он очень мил. Правда, старик?

– Господи, она наивна как дитя! Я не брошу ее. Иди, Бойс, найди ее мать и приведи сюда.

– Отведем ее наверх вместе и уедем.

– Ты говоришь, она даже в глаза не смотрит. Как ты ее поведешь?

– Не знаю. Позову. Дорогая, пойдем к твоей маме! Не оставайся здесь одна.

Бойс не надеялся, что фея отреагирует на его слова. Он вышел из укрытия и встал рядом с Джоном. Однако девушка остановилась и посмотрела в его сторону.

– Кто говорит? – спросила она встревожено.

– Я! Я говорю! – ободренный ее реакцией, Бойс забыл о своих страхах и пошел к ней на встречу. Настроение Милле передалось ему – девушку хотелось защитить от тьмы, не бросать наедине с мертвым булыжником, которого она звала ласково «старик».

Ему показалось, еще секунда, и девушка убежит, спрячется за «старика». Он пошел медленнее. Она стояла на месте.

– Петух очень большой. И страшно прожорливый, – приветливо заговорил Бойс, – ему надо много проса. Вот увидишь, наступит утро, петух выйдет пастись и склюет все звезды в мгновение ока.

– Новой ночью Господь снова рассыплет просо! – девушка глянула мимо него. – Вот увидишь!

– Все так и будет, малышка. Ты большая умница.

Личико, напоенное безмерным очарованием, обратилось к нему. Черты его были исполнены утонченной красоты. Бойс оробел. Попытался, но не смог сравнить ее красоту ни с чем – все сравнения показались бледными. В блуждающем взоре жила ночь и плескался лунный свет. Луна горела на прядях волос, обрамляющих это изысканное лицо. Он иступленно изучал его и запоминал, и вдруг понял – она смотрит ему прямо в глаза. Свет, излучаемый ею, потек в него. Его заморозило изнутри, он почувствовал, что умирает. Но девушке вздумалось улыбнуться. И стало горячо.

– Мы ... найдем твою маму, – Бойс запнулся, – Вон там. Где шумно. Ты пойдешь со мной?

– Кто ты? – ответила она вопросом на вопрос.

– Я Бойс.

– Ты – Бойс. Я – Катриона.

– Ты – Катриона.

Она кивнула. Протянула руку, прижала широкий рукав к кровоточащей царапине у него на шее. Он не стал сопротивляться, боясь спугнуть девушку. От нее пахло цветущей яблоней.

– Пойдем искать маму, Катриона.

– Мама танцует. Я убежала, танцую здесь. Старик скучает без меня.

– Старик устал. И ты устала, Катриона. Я отведу тебя к маме, нельзя от нее убежать.

– Ты отведешь? – взгляд серебряных глаз вновь устремился на него. Бойс почувствовал, как его пронизывает дрожь. Недавний страх возвращался.

– Отведу.

– Идем, Бойс, – девушка сама потянула его в сторону холма. Проходя мимо обалдевшего Милле, прозвенела, – соловей поет для любимой.

– Джон Милле, – представил друга Бойс.

– Любопытный Джон, – заключила Катриона. – Он подглядывал. Милле любопытен.

Втроем они поднялись на холм. За время их отсутствия здесь мало, что изменилось. Катрионе не нравилась громкая музыка. Она встала, отвернувшись от танцующих. Пламя ко-

стров заиграло на льняных локонах, окрасив их в жаркое золото. Бойсу волей-неволей пришлось остановиться, потому что девушка крепко сжимала его руку маленькой ладошкой.

– Где искать ее мать? – спросил он, шаря глазами по велящейся толпе.

– Понятия не имею, – недовольно ответил Милле, которому не нравилась создавшаяся ситуация, – Ты здесь родился, должен знать местных, тебе и карты в руки.

– Хорошо, постой рядом с ней, я постараюсь скорее вернуться. Малышка, отпусти меня, побудь с Джоном не долго. Я приведу твою маму.

Катриона не отреагировала на его просьбу. Бойс стал деликатно освобождать свою ладонь. Пальцы девушки сжались крепче.

– Не уходи, – попросила она и посмотрела ему в глаза, опять.

– Не уйду, – подчинился Бойс. С трудом преодолевая наваждение ее взгляда, шепнул Милле, – Что теперь делать? Она не хочет меня отпускать. Будем стоять и ждать. Не известно, чего.

– Ладно, – Джон уступил, – Я схожу. Как зовут твою маму, Катриона?

– Сгорела Ивовая Баба, наступило лето, – ответила девушка, – По лесу идет король-олень, сам он белый, словно пена, на голове его золотые рога. Рога эти гудят так, что ветер поднимается и качает верхушки деревьев. Слышите?

Художники переглянулись.

– Сэр! – закричали из толпы. – Куда вы исчезли, сэр?

К ним быстро шла девчонка, с которой весь вечер протанцевал Бойс. Она остановилась возле троицы, стрельнула глазками на соединенные руки Катрионы и Бойса, и обратилась к последнему, игриво поводя пышными рукавами платья.

– Я потеряла вас. Зачем вы привели сюда эту дурочку? Она же ненавидит людей. Где вы ее отыскиали?

– На поляне у камня, – холодно отозвался Бойс. Во время танца он жарко поцеловал крестьянку, назвал «кудрявой милашкой». Теперь был зол на себя за это. И на нее заодно, потому что она вдруг показалась ему пошлой, грубой, с чересчур крупным носом, слишком, по кобыльи широкобедрой. – Ты знаешь, кто ее мать? Где ее искать?

– Ее не надо искать. Анна Монро среди кумушек. Сейчас я ее позову, если хотите.

– Будь добра. Как же она бросила свою дочь одну среди леса?

– Она ее не бросала! Анна Монро живет совсем близко. Ее дом за Папоротниковым Логом. Дурочка Кэт целыми днями бродит по лесу, никогда не уходит от дома далеко. Ждите, я мигом.

Девчонка пропала и вернулась, ведя за собой высокую, опрятно одетую женщину в чистом чепце на светлых волосах. Женщина была довольно моложава, статна, не успела

растерять свою редкую, возродившуюся в дочери, красоту.

– Готов спорить, – шепнул Бойсу Милле, – Лет эдак восемнадцать назад мама нашей крошки попалась на глаза знатному лорду. Тот оставил ей на память о себе драгоценный подарок.

– Катриона! Иди ко мне! – воскликнула женщина, увидев их.

Ее дочь с места не тронулась.

– Сэр, будьте добры отпустите моего ребенка!

– Прошу вас заметить, мадам, я не держу ее. Скорее наоборот. – Бой подвел Катриону к матери, – Она танцевала в лесу. Я и мой друг посчитали правильным не оставлять ее одну. Тем более близится ночь. Вы не боитесь, что девушку могут обидеть?

– Вообще-то, сэр, – Анна Монро приняла у него руку дочери, которая сразу же обняла мать и прилегла головой ей на плечо, – мы живем в четверть мили от холма. Лес прилегает к нашему дому, и вполне естественно, что дочь моя гуляет там. Нас не обижают, вся окрестность знает меня и Катриону, никто не желает нам зла. Другое дело вы, чужой человек.... Как вы умудрились привести ее сюда! Катриона чутка, как зверек, она не показывается на глаза даже знакомым! Встретить ее в лесу почти невозможно!

– Вот уж не знаю, возможно или нет, но от нас она не пряталась, имейте это в виду, – проворчал Бойс, недовольный враждебным тоном Анны. – Распевала себе как птичка, ни-

чуть не таясь. Следите за дочерью лучше, мадам. Идем, Милле.

– Пойдем и мы, Катриона! – Анна Монро погладила девушку по волосам.

Катриона сонно моргая, пошла за матерью. Но сделав два шага, остановилась:

– Бойс!

Они посмотрели друг на друга.

– У сырой грядки, в торфе талом она расселась в платье алом. Стара изгородь, набок кренится. Там колет шип и свистит синица, – забавно щурясь, произнесла девушка.

Бойс не успел ответить. Анна Монро опередила его.

– Идем, дочка! Идем! – взмолилась она. Лицо ее испуганно сморщилось. Женщина едва ли не побежала прочь, утягивая дочь за собой вниз по склону.

Бойс и Милле проводили взглядами две удаляющиеся фигурки.

– Я знаю эту малютку, – задумчиво сказал Бойс. – мать приносила ее, завернутую в одеяльце, в церковь, становилась у задней стены, плакала и молилась. Все, и дети, и взрослые, сторонились Анны.

– Почему? – спросил Милле.

– Анна родила дочь, когда была даже немного моложе Катрионы нынешней. Никто не знал от кого. Анна всегда ходила одна. И вдруг ребенок. Люди рассказывали всякие небылицы об отце. Я, будучи мальчишкой, лично слышал, как

служанки в замке трепались, будто бы деревенскую девчонку обрюхатил злой дух. Катриона подросла, начала дичиться людей, а мнение о вмешательстве злой силы окрепло.

– Полная чушь, – пренебрежительно фыркнул Милле, – До чего вы, шотландцы, суеверны. Застряли в темных веках. Катриона – обычная девушка, а не дитя дьявола. Да, немного не в себе. Полусумасшедшая. Если хочешь знать мое мнение, красота у нее ангельская.

– И дьявол может принимать вид ангела света, – таинственно произнес Бойс. – Но не закипай Милле, я не спорю с тобой. Она обычная девушка. Странная, помешанная, дикая, но вполне себе обыкновенная.

– Само совершенство. – Милле вздохнул, – Живи она не в самой глуши, а в цивилизованном людном месте, о ее красоте пошла бы молва. Она бы шествовала по разбитым сердцам. Даже хорошо, что у Катрионы разум ребенка. В противном случае она страдала бы тщеславием. А сейчас, посмотри, бесхитростна, открыта. Квинтэссенция расцветающей женской прелести и чувственности. Офелия.

– Разум ребенка, тело нимфы, – тихо, задумчиво шепнул Бойс. И вдруг хлопнул Милле по плечу, обретая свою обычную веселость, – Пойдем домой, мой восторженный менестрель. Мой очарованный Гамлет. Бал закончен, пора бы и совесть знать. Где Норри, пьяная бестия, куда он дел коней?! Эй, Норри!! Э-ге-гей! Где ты?!

– Вы уезжаете? – ахнула кудрявая крестьянка, которая все

это время крутилась поблизости, – Но как же?... Вы говорили мне...

– Уезжаю, детка, – безжалостно рассмеялся Бойс, запрыгивая на коня, которого ему подвел грум, материализовавшийся из дыма костров. – Я говорил, и я не лгал! Прости мне мою спешку! Помни меня, Джун!

– Я Джил! – кричала отчаянно девушка. Но Бойс и Милле, пустив коней в галоп, ее не слышали.

Глава 4.

Нью-Йорк, США, XXI век.

Меру своей усталости Кэт не осознавала, пока сидела в самолете. Оказавшись вне лайнера, в галдящем зале ожидания, среди толкающего, снующего взад-вперед люда, она почувствовала, как у нее дрожат колени, голова гудит, словно осинный улей, а все существо охватывает чувство растерянности и паники. Высокая фигура шотландца, ассоциирующаяся со спокойствием и защищенностью, широким шагом удалялась прочь.

– Джерри, – слабо позвала Кэт в тщетной надежде, что он услышит. – Подожди...

Удивительно, он услышал и вернулся.

– Почему отстаешь?

Кэт прикрыла глаза.

– Я всю дорогу развлекала тебя рассказами. Истощила запас красноречия и актерских талантов. Очень устала. Ты не

представляешь насколько. Еле держусь на ногах.

– Хочешь, понесу тебя, – галантно предложил он. – Скажи, куда доставить.

– Ты понесешь не меня, а мои сумки. По старой доброй традиции.

– Хорошо, посиди здесь, в этом вот кресле, – он усадил ее на пластиковое кресло, точно такое же, как в аэропорту Глазго, – Я схожу за твоими сумками, а там решим, что делать дальше.

Джерри ушел в багажную зону. Кэт огляделась, сжалась от неуютного шума. Сонмы звуков отражались от стен, метались под куполом огромного зала, словно испуганные воробьи, действуя на нервы.

– Дальше ты уйдешь, Джерри, – она кинула взгляд на экран электронных часов на стене, – уже почти шесть... Нам обоим пора отправляться по своим делам. Уйдешь...

Она задержала взгляд на парочке, разместившейся по соседству, в паре метров от нее. Жгучий брюнет с профилем хищной птицы держал в объятиях девицу и что-то нашептывал ей на испанском. Кэт ему подмигнула.

– Тебя нельзя оставлять одну, – возникший у кресла Джерард держал ее чемодан, – Я едва отлучился, а ты уже перемигиваешься с чужими мужчинами.

– Он чужой, а ты, значит, свой? – она поднялась с сиденья, передернула толстовку на плечах.

– Вроде того.

– С каких пор?

– С тех самых, когда ты поведала мне в самолете детали своей жизни. Пойдем! – он развернулся и пошел прочь вместе с ее багажом.

– Куда торопиться-то? – она сделала усилие, чтобы успеть за ним.

– Пойдем, выпьем кофе.

– Я не хочу кофе.

– Ну, выпьешь чаю, – он встал на ползущую вверх ступень эскалатора.

– У меня нет времени на кафе, Джерри, – скрипнув кроссовками, она затормозила у эскалатора, чудом избежав столкновения с мужчиной, который тоже стремился на запах свежесваренного кофе.

– У тебя нет выбора, – донеслось сверху, – твои сумки у меня.

На огороженной металлическими перилами круглой площадке располагалось кафе.

Ламинированные столики и стулья стояли пяточком, от чистого прилавка доносился умопомрачительный аромат свежей выпечки.

– Располагайся, – Джерри поставил багаж на пол, помог Кэт присесть. – Я сделаю заказ.

Устраиваясь, Кэт взглянула вслед отходящему к прилавку мужчине. Тонкий шерстяной свитер не мешал любоваться его мускулистой спиной. Телосложение шотландца гово-

рило о немалой физической силе. Чтобы иметь такое тело, нужно сутками торчать в спортзале. Или махать киркой на каменоломне. Джерри сделал заказ, расплатился, вернулся к столику с подносом, на котором исходили паром две кружки и высилась гора вкусовостей.

– Не знаю, что ты любишь. Заказал все, что у них было. Маффины, булочки с корицей. Пончики.

– Ты сама любезность.

Первые несколько минут они молчали и пили кофе. Гул в аэропорту набирал силу. Закончилась снежная буря, погода прояснилась, задерживающиеся самолеты начали прибывать целыми стаями. Час-пик был в самом разгаре.

На лестницах, окнах, оградах переходов и эстакад переливались рождественские гирлянды. На перилах перемигивались фонарики, в динамиках в перерывах между объявлениями полетов звучали рождественские гимны и многоголосые хоралы. В воздухе витал дух Рождества – до праздника осталось всего девять дней. Кэт покосилась на наряженную елку, стоявшую неподалеку.

– Где ты справляешь Рождество, Джерри?

– Дома с родными, – ответил он.

– Всегда?

– Всегда.

– А я, – она отхлебнула кофе из пластиковой кружки, – где придется. Ответь мне, Джерри, на вопрос. Ты веришь в рождественское чудо? Если загадал что-нибудь на Рожде-

ство, это непременно сбудется.

– А ты?

– Не переводи стрелки.

– Чем задавать вопросы, проверь, Кэт. Загадай что-нибудь. Самое время.

– Просто ответь на вопрос, Джерри, – попросила она.

– Знаешь, – он взглянул ей в лицо, слегка приподняв свой упрямый подбородок.. – Свои желания я осуществляю сам. Вершить чудеса можно собственными руками.

«Если бы я была также самоуверенна, – она стала греть заледеневшие руки о кружку, – я бы спросила номер твоего телефона... Нет, я чертова трусиха... Но ты-то почему молчишь? Или я не то желание, которое тебе хотелось бы осуществить, Джерри»?

Он молчал, как назло, храня слегка насмешливое, непроницаемое выражение на лице. Прошла минута, другая. На третьей повисшая между ними тишина начала ее беспокоить. Пытаясь подавить в себе растущую тревогу, Кэт кусала губы. Она чувствовала, что наступала необходимость ставить неизбежную точку.

– Мой самый паршивый в жизни день завершился неожиданно приятно – в хорошей компании, за чашкой кофе. Теперь, пожалуй, пойду. Завтра у меня самолет домой, в Техас, в понедельник выхожу на работу в галерею. Сейчас бы мне до Квинса добраться, переночевать у подруги, выспаться...

Он не пытался прервать ее жалкий монолог, произноси-

мый с относительно невозмутимой миной, которая, однако, не годилась даже для сносного актера.

– ... В общем, было приятно пообщаться. До возможной встречи, мой шотландский друг. Либо прощай.

Она скомкала салфетку, бросила на стол. Хотела подняться. Джерард резко подался вперед, опираясь локтями о кромку стола. Кэт застыла.

– Кэт, – тихо проговорил он, – поедem со мной.

На нее словно опрокинули ушат холодной воды. Мысли, которые интенсивно роились в голове, растаяли в один момент. Кэт понимала – надо что-то сказать. Но не могла разжать челюстей. Их попросту свело, чему девушка подсознательно обрадовалась: более-менее годные слова для ответа все равно не находились. Она, не моргая, смотрела на сидящего напротив мужчину.

– Скажи что-нибудь, – через какое-то время усмехнулся Джерри, рассматривая ее в упор. – Три минуты уже молчишь. Едем?

– Если честно, я рассчитывала, – девушка силой заставила себя очнуться от шока, – что ты попросишь номер моего телефона. И это, как максимум. Прости, я, кажется, ввела тебя в заблуждение... – она нахмурилась. – Скажи, Джерри, я, правда, похожа на девицу, готовую ехать по зову первого встречного? Каюсь, твое обаяние развязало мне язык. Но это не значит, что... Поверить не могу! Я действительно произвожу такое впечатление? Seriously?

– Первый встречный, говоришь? – он перестал усмехаться. Взгляд его стал отчужденным, как будто не было этих долгих, сблизивших их, часов. – Прости, не хотел тебя обидеть.

Оба замолчали. Он смотрел на нее. Мужественный. Красивый. С непримиримой линией подбородка, оттененной двухдневной щетиной. Упрямо поджатые губы кажутся такими притягательными. Заставляют сожалеть о сказанном. Как же хочется переменить решение. Сказать ему, что...

Джерард протянул руку к ее лицу. Кэт не ждала этого, отстраниться не успела. А потом уже не захотела, когда большим пальцем он медленно провел по ее щеке. Мягко обрисовал подбородок. Опустил ладони на ее руки, которые она держала судорожно сцепленными замком. Осторожно разнял из. Взял ее кисть, развернул ладонью к себе и поцеловал. Щетина над его верхней губой защекотала ей запястье. По позвоночнику побежали мурашки. Кэт почувствовала, как у нее пересыхает в горле, горячий язык прилипает к нёбу. Как по телу прокатывается волна и с грохотом обрушивается на виски. Воздух вокруг них густел, формируясь во что-то пока невидимое, но уже осязаемое, реальное, как марево, повисающее в жаркий полдень над полем. Кэт сидела, будто скованная по рукам и ногам тяжелыми цепями, без возможности пошевелиться, вздохнуть. Способная лишь слышать гулкие, замедленные удары своего сердца.

Джерри улыбнулся, не разжимая губ, отпустил ее руки.

Взял куртку, поднялся. Кивнул в знак прощания и направился к эскалатору. Даже не оглянулся.

Она превратилась в изваяние. Сидела, не двигалась и после того, как темноволосая голова шотландца, уезжающего вниз на эскалаторе, пропала из виду. Затем встала и подошла к балюстраде.

«Вот так просто? – поверить в произошедшее не получалось, – Ушел и даже не оглянулся... Дура. Так тебе и надо».

Кэт швырнула сумку на кресло, порылась в ней, отыскала блокнот, из кошелька вытрясла горсть монет. Шел седьмой час вечера, а она до сих пор торчала в аэропорту. Нужно было срочно созваниваться с подругой, умолять ее, чтобы та бросала все дела, садилась за руль и мчалась встречать непутевую Кэт. Которая не удосужилась позвонить заранее из Глазго и предупредить о своем прибытии. Которая только и делала на протяжении последних тринадцати часов, что беззастенчиво выбалтывала подробности своей заурядной жизни первому встречному. Которая не подумала, что поймать у аэропорта такси будет проблематично в час-пик. И которая теперь пожинала плоды своего глупого поведения.

Оставив сумку на сиденье, Кэт направилась к таксофону. Отыскав в блокноте телефон подруги, сунула в слот денежку, набрала номер. Пошли протяжные гудки.

– Ну же, Адель!.. Ну же... , – пропела Кэт, выбивая ногтями стакато на корпусе телефона.

Адель отозвалась.

– Привеее-еет, – раздался голос подруги. – Вы позвонили Заку и Адель. К сожалению, нас нет дома, и вы говорите с автоответчиком. Пожалуйста, оставьте сообще...

– Дьявол! – Кэт с размаху бросила трубку на рычажки, не дослушав сообщение. Подняла ее и бросила снова. Аппарат жалобно застонал.

– Дьявол, – повторила она несколько ровнее, – только не хватало остаться ночевать в аэропорту? Адель, милая, ты не ушла далеко. Решила прогуляться до булочной. Ну, пожалуйста, окажись дома. Пожалуйста... Пожалуйста.

Очередная монетка провалилась в прорезь, пошли гудки. На этот раз Кэт настроилась дослушать речь Адель до конца и оставить свое сообщение. Подруга и ее бой-френд Зак рано или поздно объявятся дома, прослушают автоответчик. Голос Адель заново процитировал дежурную фразу, Кэт открыла, было, рот, чтобы начать расписывать свое бедственное положение, как подруга после небольшой паузы выдала:

– На случай, если позвонит Кэт Шэддикс. Дорогая, я весь день провисела на телефоне, честно пыталась пробиться к тебе, но твой мобильник вне зоны действия. Мы с Заком уезжаем на выходные, не обессудь. Подождали бы тебя, но вдруг ты в свойственной тебе манере изменишь планы и останешься до Рождества в Шотландии. Или двинешь в другую, не менее таинственную страну. В общем, не обижайся подруга, сама виновата. Люблю тебя.

– Врунья! – телефон очередной раз обиженно взвизгнул, получив трубкой по рычажкам. Кэт обвинительно ткнула в него пальцем – Ты меня только что кинула! Ну и ладно! Не очень-то я мечтала провести вечер с тобой и твоим занудой Заком.

Бой-френд Адель Зак в общем-то не был занудой. Он был молодым медиком, врачом скорой помощи, и как никто другой мог рассказывать черноюморные анекдоты.

– Не особо я мечтала ночевать в твоей конуре в Квинсе?

Квартирка Адель была, между прочим, очень мила, уютна и ничего общего с конурой не имела.

– Чтобы мы с тобой делали? Сидели весь вечер и тупо пялились в телевизор, потому что поговорить не о чем?

Да брось, Кэт, вы бы обпились кофе с Бэйлис, ты бы рассказала свое последнее приключение, расцветив его душещипательными подробностями. Вы бы повздыхали, поплакали, вспомнили былое, опять поплакали. Затем Зак до полночи реанимировал бы вас славными анекдотами. И вы уснули бы под утро, ухихотавшись до слез. Тем не менее, с утра ты бы встала отдохнувшая. А главное, тебе бы стало легче. Тебе бы реально стало легче. Но не станет. Нет, ты посмотри на себя? До чего ты опустилась! Вся взъерошенная, как боевой петух. Стоишь и кулаком долбишь по телефону. Портишь общественное имущество. Возьми себя в руки, в конце-то концов!! Ничего ужасного не произошло.

Она решительно направилась к креслам в пятнадцати ша-

гах от телефонной будки, где оставила саквояж и сумку. Первый этаж аэропорта кишел людьми. А этот зал ожидания на втором этаже пустовал.

– Все нормально, – начала она уговаривать себя на ходу, – Сейчас поедешь в гостиницу, Катя. Примешь душ, выступишься. Завтра в Даллас, домой, на работу. Там из твоей головы вся дурь вылетит пулей! Джерард Карвер! Ха! Представь, что он тебе приснился...

Она осеклась, глядя на пустое кресло, где пару минут назад была ее сумка. Теперь ее там не было.

– Не поняла... – Кэт заглянула за сиденье. Пусто.

Упала на колени и сунула голову под сиденье – ничего. Вскочила, швырнула на пол чемодан, придавив его коленом, принялась нервно дергать замок. Он не поддавался. Да нет, она не запихивала сумку в чемодан. Бросилась снова к креслам и стала шарить по ним руками, будто сумка вдруг стала невидимой и отыскать ее теперь можно только на ощупь.

– Боже! – Кэт была готова разрыдаться. – Я проклята... Меня сглазили... Этого не может быть. Люди! Кто-нибудь! Помогите! Охрана!!

Крик эхом прокатился по залу. На помощь никто не пришел. Второй этаж словно вымер. Здесь правда кто-то сидел, когда она притащилась сюда с багажом. Кто-то серый, незапоминающийся. Этого кого-то теперь не было. С ним испарилась ее сумка. В ней деньги. Ключи от дома, от машины. А главное. Ужас! Блокнот с зарисовками. Фотография!!!

Она сжала пальцами виски. Голова разрывалась. Зарисовки. Их нет. Ундины нет... Что делать? Собраться. Не паниковать. Билет и паспорт лежат в кармане толстовки, а это уже кое-что. Хорошо, что она не переложила их в сумку. Значит, перспектива улететь домой утренним рейсом реальна. Но есть еще одна не менее реальная перспектива – провести ночь в аэропорту. Денег нет даже на вшивый хостел.

– Сэм! – вспомнила Кэт и едва не подпрыгнула от радости. Сэм! Ее лучший друг Самуил Цедербаум, проживающий в Нью-Йорке – тот, на кого можно положиться в любой, даже самой дурацкой, как эта, ситуации, – Сёма поможет. Надо только дозвониться. Он со всем разберется.

В ладони была зажата последняя монетка. Единственный шанс дозвониться до друга. Кэт нащупала ее, и, испытав прилив надежды, побежала назад к таксофону.

Сэм взял трубку почти сразу же.

– Слушаю вас, – раздался его глубокий, благородный голос. – Говорите, будьте добры. Я вечно ждать не намерен.

– Сэм! Сэм, это я! – закричала Кэт, – я застряла в аэропорту Кеннеди! Адель не берет трубку! Они с Заком...

– Что вы там томно шепчете мне на ушко? – перебил ее Сэм, – я не Дон Жуан, не люблю, когда шепчут. Извольте изъясняться громко и внятно. Кто это вообще?

– Это Катя! – заорала Кэт, – ты там оглох?! Катя! Слышишь? Достаточно внятно изъясняюсь?!

– Катюха, ты?! – ворчливость из голоса Сэма, как ветром

сдуло, – Откуда ты звонишь? Из Шотландии?

– Какой, к чертовой матери, Шотландии? Я в аэропорту Кеннеди! Чем ты слушаешь, Сёма?

Сёма что-то ответил, но череда резких помех заглушила его ответ.

– Я тебя плохо слышу! – крикнула она. И поняла, что у Сэма та же проблема. Снежная буря над Нью-Йорком испортила не только график полетов, но и работу телефонных линий.

– Сэм, – стала она объяснять, как можно более отчетливо и членораздельно, – я прилетела в Нью-Йорк. Меня обокрали, у меня нет денег, Сэм! Помоги мне! Срочно заberi меня отсюда! Приезжай!

– Конечно, я приеду! – обрадовался Сэм, – Приеду к тебе в гости на Рождество, как и договаривались!

– Господи, не тупи, милый. У меня нет денег! Слышишь?

– Слышу-слышу! И тебе много денег, Катенька, родная моя! А еще помимо денег я желаю тебе на Рождество любви! Большой и светлой! Со мной!

– Сэм, какая любовь, спаси меня... – простонала она в отчаянии.

– Ничего не слышно, – вздохнул Сэм, – жди, Катюха, сейчас перезвоню на мобильный.

– Не клади трубку, осёл! – чуть не заплакала Кэт, – не смей! Мой мобильный...

Раздались короткие гудки.

– Мой мобильный сперли, – dokonчила Кэт, – вместе с сумкой.

Денег больше не было. Не было надежд на спасение, на комфортную ночь в нормальной, человеческой постели. И, наверное, можно было особо не рассчитывать на то, что когда-нибудь к ней вернется блокнот с зарисовками и письмом Джона Милле. Блокнот, который она ценит на вес золота.

С трудом осмысливая свое бедственное положение, Кэт еще раз обшарила все карманы. Пусто. Ничего. Она устала на таксофон. Таксофон, под завязку набитый монетами... И вдруг ее осенило. Кэт вспомнила! Рассмеялась.

Далекое питерское детство. Аллея, таксофон у поребрика. Немного другой, чем этот, Нью-Йоркский, но все же таксофон. У таксофона стоит отец.

– Бывают случаи, Катюшка, – говорит он, наклоняясь к ней, – случаи, вот как сейчас. Когда позвонить не на что, но позарез надо. Потому что, в противном случае, наша мама снимет с папы шкуру. Мы этого не хотим, да, доча? А значит, сжимаем руку в кулачок – вот так. И посильнее стучаем сюда! Смотри!

Папка, быстро оглянувшись, долбит по крышке таксофона кулаком. Из недр телефонного автомата начинают звонко сыпаться монетки. Дочка заливисто смеется, глядя, как папаша с мальчишеским энтузиазмом выгребает и распихивает по карманам добытый клад.

– Ясно, пап, – кивнула Кэт, – спасибо за науку.

И решительно грохнула кулаком по таксофону. Нью-йоркский таксофон однозначно отличался от того питерского, и не только внешне. Он никак не отреагировал на удар. Будучи настоящим американцем, с деньгами расставаться не пожелал.

– Н-на!.. – Кэт ударила посильнее.

Тот же результат. Руку себе можно поломать, не добыв ни цента. Особо не думая, она сняла трубку и принялась долбить ею по корпусу телефона-автомата.

– Эй, вы что творите?! – донеслось из-за спины.

Кэт оглянулась.

Охранник в синей форме приближался со стороны уборной. Она водрузила трубку на место, сделала шаг в сторону от таксофона.

– Ничего, – сообщила Кэт с невинным видом, пряча руки за спину.

– Вы пытались сломать аппарат, – резонно не поверил ей охранник, – зачем, леди?

– Он сожрал мою последнюю денежку, – соврала Кэт, – а позвонить не дал! Это справедливо, по-вашему?

– Сожрал денежку? – переспросил охранник, подходя, – и вы пытались выбить ее из него. Подождите-подождите... Вы совершили попытку ограбления таксофона нашего аэропорта?

– Притормозите, офицер, – перебила Кэт, – никаких попыток я не совершала. Это меня ограбили. У меня украли

сумку. Может, поищите? Это произошло здесь, в этом зале, минут пять назад...

– Знаете ли вы, что вам светит, леди, за порчу общественного имущества? – полицейский ее жалобу расслышать не пожелал, – про попытку ограбления я вообще промолчу. Сомневаюсь, что вы отделаетесь только административным штрафом.

– Вы туги на ухо, офицер? Прислушайтесь. Я лишилась имущества. Где вы были пять минут назад, когда меня грабили?

– Без оскорблений, дорогуша, – он отстегнул от пояса наручники, – пройдемте со мной в отдел охраны. Или мне силой вас повести?

– Вы совершенно глухи, офицер, – сочувственно покачала головой девушка, – Как тетерев.

– Пойдем по-хорошему, грубиянка! Давай сюда руки. Я тебе общественно-исправительные работы обеспечу, не сомневайся!

– Очень интересно. Вам нужны мои руки, говорите? Вот они, держите.

Она послушно вытянула руки перед собой. Охранник, довольный исходом дела, шагнул к ней, чтобы защелкнуть наручники на запястьях. Но девица вдруг сильно толкнула его в грудь. Он отшатнулся, засеменил назад, и, не сумев удержать равновесия, грузно плюхнулся на зад.

– Ха! – воскликнула она. – Это ты-то на меня наручники

наденешь? Поймай сначала, увалень!

– Вот, стерва, – закрихтел полисмен.

Видя, что он поднимается, она взвизгнула и помчалась прочь. Оценив ее грацию горной козы и такую же скорость бега, мужчина понял – догнать беглянку вряд ли удастся. Схватился за рацию.

Выйдя из огромных стеклянных дверей аэропорта, Джерард минут десять стоял на тротуаре и смотрел вверх. Над ним покачивалось ночное небо Нью-Йорка. Вечер перерождался в ночь. Дышал холодом, тихо сыпал на город снег. Фантастически большие хлопья роились в воздухе, падали в лужи, таяли на нагретом автомобильными шинами бетоне, оседали на волосах. Мимо шли люди, аэропорт был переполнен, поймать такси не удавалось не всем. Только самым прытким. Джерри стоял и смотрел в небо. Ему было лень суетиться, не хотелось лезть в душный салон такси. Наоборот, хотелось побыть на свежем воздухе, померзнуть. В голове звенела пустота. В кармане звенел мобильник.

– Алло.

– Сэр, – это был Роберт, – вы улетели в Нью-Йорк? Это не шутка?

– Роберт, – Джерри улыбнулся в небо, – что еще прикажешь мне делать? Бесконечно выдерживать наш домашний бардак способен только ты один. За это, думаю, я подниму тебе зарплату.

– В последний раз вы грозились уволить меня, сэр.

– Мне проще уволиться самому, чем отпустить тебя. Слушай, оставь ты их всех на пару часиков, съезди в аэропорт Глазго. Я там припарковал машину у входа, постарайся ее забрать, а если эвакуировали – отыщи. На заднем сиденье подарки, самые лучшие можешь забрать внукам, а моим подари то, что считаешь нужным.

– Ох, сэр, нашли же вы время бросать меня одного. Вы знаете про трещину в стене?

– Стоп, Роберт, давай про трещину в другой раз. Кстати вон такси...

– Сэр, погодите!

– Пока! Эй, парень стой!

Из окна проезжающего мимо кэба высунулся водитель, дружески махнул ему рукой. Джерри забрался на заднее сиденье.

Поехали. За территорией аэропорта в небе над автострадой колыхнулось зарево. Нью-Йорк перед Рождеством переливался миллиардами огней, и был в разы ярче, ослепительнее себя будничного. Черные ветвистые деревья, оплетенные гирляндами, выглядели сказочно. На цифровых рекламках сменяли друг друга картинки – Санта-Клаус, подарки, девушки в стиле пин-ап в красно-белых платьицах, поезд с Кока-Колой, ангелы, играющие на трубах, смеющиеся детишки. Граненые монолиты небоскребов источали свет. Впереди был Бруклинский мост, и даже издалека было ясно

– он запружен машинами. По мосту змеилась сверкающая лента фар. Ехать придется долго. И назад вряд ли повернешь.

Джерард встревожился. Понял, что и раньше не ощущал себя спокойно. Вот это темное, мрачное небо, что виднеется в окошке такси, оно сейчас внутри него. И чем дальше от аэропорта, тем темнее и мрачнее становится.

– Стой! – Джерард схватил водителя за плечо. Тот глянул на пассажира в зеркало заднего вида. Но не затормозил, продолжил ехать медленно и аккуратно. – На том перекрестке сможешь свернуть налево?

– Зачем?

– Поедем назад.

Глаза в зеркале заднего вида сощурились.

– Что-то забыли, сэр?

– Точно, забыл, – кивнул пассажир и отпустил плечо водителя, когда машина свернула на нужный маршрут.

– Ценное?

– Не то слово.

– Жалко будет, если пропадет.

– Не пропадет. Если моё, точно не пропадет, – странно усмехнулся пассажир.

Войдя в здание аэропорта Кеннеди, он пошел туда, откуда некоторое время тому назад уходил. Дай Бог, Кэт задержалась в кафе. На эскалаторе поднялся вверх. Столики стояли чистые, столешницы поблескивали – никаких признаков

их с Кэт недавнего здесь пребывания. Видимо, персонал отлично вышколенный, привыкший убирать за клиентами во время. Куда она могла пойти? Да куда угодно! Она говорила о какой-то подруге. Собиралась к ней. Наверное, вышла сразу за ним следом, поймала такси и сейчас едет где-нибудь в потоке машин, ползущих по Бруклинскому мосту.

А вдруг она здесь, рядом? Нужно проверить, удостовериться на все сто. Сколько он отсутствовал? Двадцать минут? Сейчас не просто поймать такси, тем более ей с ее-то громоздким багажом. Ей нужно отдохнуть, перед тем как выходить на улицу.

Куда она могла пойти?..

На втором этаже за кафе и магазинчиками размещались зоны отдыха. Там же были телефонные аппараты, а ей нужно сделать звонок. Джерри пошел по указателям, заглядывая во все закутки с креслами, попадающиеся по пути. Логично было бы найти ее в этом районе. В конце пути находилась лестница, ведущая вниз, в еще один зал ожидания. На подходе к ней, Джерри приободрился. Прибавил шаг. Еще ничего не было видно, но до его слуха уже доносились крики. Заинтригованный шумом, он вбежал на лестничный пролёт, перемахнул через несколько ступеней. На середине лестницы остановился, как врытый в землю.

В дальнем конце обширной залы маячила девушка. Джерри узнал стройную фигуру, светлые волосы. Она неслась сквозь зал, а ей во след переваливающейся походкой пинг-

вина бежал пузатый охранник. Хотя правонарушительница опережала преследователя шагов на десять, ничем хорошим для нее погоня окончиться не могла.

Джерард, не раздумывая, бросился на выручку.

Охранник отставал. Кэт, осмелев, повернулась к нему и насмешливо закричала:

– Господин полицейский, поторапливайтесь! Людям вашей профессии следует быть пошустрее. А вы ковыляете, как пингвин!

Коп неуклюже переваливался с ноги на ногу в подобие бега, что-то бормотал в рацию. Она не смогла промолчать:

– Да-да, позовите коллег! Они, понимаешь ли, тоже разбрелись по туалетам, засели в засаде. А между тем здесь такое событие!

Кэт сознавала, что в конец обнаглела, ей пора бы заткнуться для собственного блага. Но ничего не могла с собой поделать. Ее вело. Видя, что охранник набирает скорость, она взвизгнула, вновь ударилась в бегство. План был прост, достичь лестницы, что есть духу вбежать вверх по ступенькам, а когда этот увалень дохромает до верхнего этажа, ее след уже простынет. До кафе, вниз по эскалатору, и прочь на улицу.

Бежала она, глядя назад и контролируя надвигающуюся угрозу. Это была ошибка. Надо смотреть, куда бежишь.

Ее схватили внезапно, она не поняла, кто. Сдавили в мед-

вежких объятиях так, что она задохнулась, а от сильного испуга чуть не грохнулась в обморок. Чьи-то руки смокнулись вокруг нее, она стала остервенело вырываться. Напрасно. С таким же успехом можно пытаться вывернуться из смиренной рубашки. Всхлипывая, принялась топтать ноги захватчика... и вдруг узнала обувь. Ботинки из превосходной коричневой кожи. Подняла голову, столкнулась с жестким взглядом светло-серых глаз.

– Джерри...

– Тише, Кэт, не дергайся, – строго порекомендовал он.

Она обмякла в его руках.

– Сэр, спасибо за содействие в поимке правонарушительницы! – охранник перешел на шаг и, отдуваясь как паровоз, приближался. Кэт прижалась к груди шотландца. Джерри завел ее себе за спину, сам двинулся полицейскому навстречу. Кэт зашла за лестницу, присела на корточки и в зазор между ступенями стала следить за мужчинами.

– Офицер, вы за ней гнались или мне показалось? – подойдя, Джерард ухватил полицейского за локоть, увлек за собой прочь от лестницы. Всем видом он выражал неподдельную заинтересованность и тревогу.

– Не показалось! – охранник сопротивлялся ему, но не слишком активно. – На вид – само очарование, но такое творит!

Джерри сокрушено покачал головой.

– И не говорите... А что конкретно творит?

– Грабит таксофоны!

– Да что вы! Какая способная! Ух, хулиганка! – Джерард погрозил пальцем в сторону лестницы. – Покажите мне ограбленный таксофон, офицер.

Охранник подвел его к пережившему акт вандализма агрегату.

– С ним все, кажется, в порядке. Выглядит молодцом! – прищурился шотландец. – Сдается мне, вы слегка преувеличиваете.

– Я? – коп сделал страшные глаза, оскорблено выпятил губы, – поучите меня еще выполнять служебные обязанности!

– Хорошо-хорошо, – тут же переменил тон Джерард, – успокойтесь, офицер. Вы совершенно правы. Только знаете, эту девушку следует отпустить в любом случае. Тут такое дело... Она не в себе...

– Это мне ясно. Только почему вы за нее заступаетесь, сэр? Она вам жена или сестра?

– Не то и не другое, но почти, – неопределенно ответил шотландец. Охранник недоуменно мотнул головой.

– Тут главное не кто она, офицер, а что с ней произошло, – доверительно объяснил Джерард. – Девушка не спала больше суток, у нее случился нервный срыв. Посмотрите, какая малохолдная. Скажите спасибо, что она у вас на участке только побезобразничала чуток, а не...

– Что не?..

– Не отдала концы от переутомления. Такое случается

сплошь и рядом. Я уверен, у нее были причины нервничать. – Джерри обернулся, выискивая ее глазами. – Кэт! Где она, черт возьми?

– Под лестницей прячется, – подсказал охранник.

– Вылезай, Катерина! Расскажи нам про свои причины! Почему ты учинила погром? Не срослось с подругой?

– Плевать на подругу! – приглушенно донеслось из-под лестницы. – У меня сумку украли.

На свет Божий показалась высокая белокурая девушка с выражением смертельной обиды на миловидном лице. Она ткнула пальцем в охранника.

– ...Вместо того, чтобы ловить вора, это тип ловит меня...

– Сумку украли? Так-так, офицер... – Джерард строго воззрился на охранника с высоты своего роста. Тот в мгновение ока сжался и поглупел. – Ведь правда! Почему вы не ловите вора?

– В первый раз слышу о краже, сэр, – охранник мысленно проклял себя за свой виноватый тон, которым разговаривал с этим мощным парнем. – Будем искать.

– Ищите. До ощутимого результата, по возможности. Вот мой номер, – достав визитку из портмоне, шотландец сунул ее охраннику, – Буду с нетерпением ждать отчета о проделанной работе. И еще одна вещь, – тут тон здоровяка несколько помягчел, – ...Рождество на носу, офицер, семейный праздник...

Указав глазами на обручальное кольцо на левой руке

охранника, мужчина вытянул из бумажника несколько сто-
долларовых банкнот.

– Небольшая благодарность за сговорчивость. Купите де-
тишкам подарков.

– А девушка! – коп даже не понял, как свернутые напопо-
лам купюры перекочевали к нему в ладонь при рукопожатии.

– Девушку отпускаем, – безапелляционно заявил мужчи-
на, – Она в полной мере осознала свою вину и понесла ве-
сомые эмоциональные потери. Счастливого рождества, офи-
цер.

– Счастливого рождества, сэр. – Полицейский отдал
честь.

«Конкретный парень, – подумал он, направляясь назад к
туалету и перекладывая деньги в нагрудный карман вместе с
рацией, – все бы так решали свои проблемы».

Кэт стояла, покачиваясь. Ей казалось, что вместо головы
у нее воздушный шарик, наполненный гелием. Он вот-вот
отправится в полет к потолку, а ее утянет вслед за собой.
От этого стало плохо. Поэтому когда Джерри, подойдя, пред-
ложил ей сесть, она схватилась за протянутую ей руку, как
утопающий за соломинку. Почувствовав под собой твердую
ступень лестницы, облегченно выдохнула и подняла на шот-
ландца затуманенный слезами взор.

– О, нет, нет, Кэт... – замотал он головой, присаживаясь
перед ней на корточки. – Ну и взгляд! Не нужно смотреть на
меня так. Пойдем.

Его низкий голос просто не оставлял ни единого шанса. Глаза, ставшие необычно светлыми, как расплавленное серебро, поблескивали. Черные острые зрачки кололи, словно иглы. Он был перед ней, так близко – протяни руку и коснись. И ничего уже не хочется. Ни выяснять отношения с Адель, ни искать сумку, ни горевать по блокноту с зарисовками. Ни грабить таксофоны. Не хочется ничего. Только бы сидеть и смотреть на него.

– Вернулся.

– А у меня был выбор? – усмехнулся он краем губ.

На половину выкуренная сигарета, отброшенная щелчком, упала в лужу. Таксист уселся за руль. Из аэропорта возвращался его пассажир. Причем возвращался не один. Компанию ему составляла девушка, которую он вел, бережно придерживая за предплечье. «Хо-хо! – подумал таксист, оценивая рассматривая спутницу своего пассажира, – Парень не соврал! Вот это ценность, так ценность! Действительно, было бы страшно жаль, если бы пропала».

Она была изящной, как фарфоровая куколка. Шла плавно и с шармом, хоть и заметно покачивалась. Открыв заднюю дверцу кэба, парень усадил свою «драгоценность» на сиденье, сам направился к багажнику – пристраивать чемодан подружки.

– Привет.

Таксист повернулся в кресле. С бледного, словно выто-

ченного из мрамора лица на него взирали глаза, огромные и печальные под сенью пушистых ресниц. Барышня сложила чувственные губы в подобие улыбки.

«Вот тебе раз! Прямо русалка»!

– Вы немой?

– Я? Нет, почему же. Я говорящий.

– Отлично, – она устало улыбнулась, – а то я, было, испугалась за вас. Девушка казалась несколько не от мира сего. Отрешенная, рассеянная. – Как дела?

– Рулю потихоньку.

– Подвинься, дорогая!

Девушка послушно подвинулась, парень устроился рядом с ней.

«Счастливчик», – подумал таксист, заводя мотор.

– Куда едем, сэр?

– Манхэттен. Дальше подскажу.

Автомобиль тронулся. Водитель покосился в зеркало заднего вида в надежде вновь увидеть сумрачные глаза. Но не увидел. Девушка дремала, прикорнув вихрастой головкой на плече своего друга.

Глава 5.

Кэт не знала, где находится. Понятия не имела, куда ее везут. Но не сомневалась, что ничего плохого с ней больше не случится. Она чувствовала спокойствие, исходящее от мужчины, который сидел рядом. Мотор урчал так уютно, а пле-

что, на котором покоилась ее голова, было таким удобным, что сам Бог велел забыться и задремать.

Она очнулась, потому что автомобиль встал, а мужчина выбрался наружу, прикрыв дверь. За окном волновалось, переливалось всеми оттенками спектра море света. Пронзительно гудели клаксоны автомобилей, шли люди. Звучала музыка. Городская суeta волной ударялась о стекла такси, грозясь пробиться внутрь, затопить салон, покончив с его тихим сумраком.

Он вернулся с бумажным пакетом. «Желтая субмарина» тронулась, продолжив с боем прорывалась сквозь шторм, и победила, заколесила по спокойным, обсаженным липами улочкам.

– Что это было за окном? – спросила Кэт.

– Нью-Йорк, – лаконично ответил сосед. – Его центр в районе Бродвея и Пятой авеню. Теперь будет спокойнее.

Она взглянула на него. Увидела будто высеченный из камня профиль. В памяти всплыла сцена прощания в кафе, за ней вереницей промелькнули другие события – полисмен, наручники, побег. И похожее на чудо явление спасителя.

– Джерри, – заключила Кэт. И немного растерянно добавила. – Откуда ты?

Профиль дрогнул, повернулся к ней. По-волчьи блеснули глаза, в хищном оскале – зубы.

– Только не говори, что все забыла. Не соблазняй меня воспользоваться твоей потерей памяти.

– Куда мы едем?

– Скоро узнаешь.

– Надеюсь, не в замок Синей Бороды, где я стану безвольной игрушкой в руках жестокого хозяина...

– У меня нет бороды. Замка у меня тоже нет. Я не похищаю молоденьких девиц в аэропортах на потребу своей черной душе. Я не садист, не маньяк, не многоженец...

– Прекрати читать мои мысли...

– На тебя я тоже не покушаюсь. Приехали.

Джерри помог Кэт выбраться из такси, рассчитался с водителем. Улочка была холодной. Кэт настолько вымоталась, что увидев в двух шагах лестницу, ведущую к освещенному парадному входу, уселась на промерзшие ступени. Желтый кэб отъехал. Мимо прошел Джерри с чемоданом Кэт, поднялся по ступенькам. Хлопнули двери парадной.

Куда они прибыли, интересно? Она подняла голову, увидела над собой рельефный фасад дома, украшенный причудливой тенью облетевшего дерева, что росло напротив, освещенное фонарем. Открывшаяся взору картина смотрелась готично. Кэт поежилась. Похоже, он соврал про замок...

– Ты хочешь вмерзнуть в ступеньки? – Джерри вернулся, опустился перед ней на колени.

– Это твое логово?

– Логово, – зубы сверкнули вновь, – ну если тебе так нравится, пусть будет «логово». Приглашаю тебя внутрь. Там намного теплее, чем снаружи.

– Хм, – Кэт по-прежнему с долей опаски рассматривала живописное здание.

– Я могу тебя отнести, если хочешь, – предложил он.

– Потацишь меня, как чемодан?

– Нет, понесу осторожно, как китайскую вазу эпохи императорской династии Цин.

– Таковую же древнюю?

– Нет, такую же хрупкую и драгоценную.

Он говорил серьезно. Она это поняла, когда он наклонился к ней слишком близко. Светлые глаза оказались в паре дюймов от ее глаз. Его губы... Кэт почувствовала, как ее обдало жаром так, словно перед ней распахнулась раскаленная топка печи. Она взмокла, хотя секунду назад стучала зубами от холода. Вскочила, поняв, что еще немножко, и жар спалит ее. Вбежала вверх по ступенькам. Там остановилась.

– Я сама дойду, Джерри. Не утруждайся.

– Как пожелаешь, – он слегка поклонился ей и поднялся следом.

В фойе портье из-за стойкой громко и вежливо поздоровался с шотландцем:

– Давно не имели удовольствия лицезреть вас, сэр! Добро пожаловать в Нью-Йорк! Сегодня вы с дамой?

– Я просто гость, – поспешно вставила Кэт.

– Здравствуйте, мистер Райт, – усмехнулся Джерри, – с наступающим Рождеством.

– Хорошего вечера, сэр.

Они вызывали лифт.

– «Просто гость»? Перед портье не нужно отчитываться, – с легким раздражением проронил Джерри.

Лифт подъехал. Металлические створки бесшумно распахнулось перед ними. Кэт вошла первой. Следом Джерри внес чемодан.

– Я не хочу неясностей, – Кэт глянула на ряд кнопок. – Какой этаж?

Джерри надавил на нужную кнопку. Тронулись. Он привалился к стенке в шаге от нее. Девушка украдкой взглянула на него из-под полуопущенных век. Шотландец стоял в расслабленной позе, но, Кэт вдруг осознала, расслаблен он не был. Она поняла это по тому, как поднималась его грудная клетка. Джерри дышал медленно и очень глубоко. Он заметил, что она наблюдает за ним. Кэт отвернулась, слишком поспешно и слишком поздно. Секунды повисли в воздухе.

«Черт возьми..., – она ощутила, как цепенеет, – он, что, колдун? Почему меня так ломает? Если он сейчас захочет что-нибудь сделать со мной, я не буду сопротивляться. Я не смогу».

Какие-то магические способности у него определенно имелись. Шотландец в очередной раз проявил телепатию. Молча нажал «стоп». Лифт плавно остановился. Джерри шагнул к ней. Прижал ладони к стене по обе стороны от ее лица. Она не стала прятаться. Встретила его взгляд, неосознанно облизнула губы. Джерри сглотнул. Зрачки его расши-

рились и почти полностью пожрали серую кайму радужки.

«Сейчас он поцелует меня, – Кэт ощутила острое желание пробраться пальцами под его куртку, – и я отвечу. Я не останавлиюсь, не стану возражать, если он захочет большего. Боже, что это со мной?»

– Неясностей не возникнет, – прошептал он почти что в самое ее ухо, и Кэт едва не взвыла от неожиданно колющих мурашек, рванувших вниз по позвоночнику. – Не переживай, Кэт. Расслабься.

Пару мгновений они напряженно смотрели друг друга в упор. Затем он отодвинулся от нее. И свободно, легко расхохотался.

– Очень смешно, – проворчала она, радуясь тому, как от его смеха разряжается атмосфера, – с тобой не очень-то расслабишься, Джерри. Провокатор.

– Аналогично, – он запустил лифт. Металлическая кабина доплыла до нужного этажа и раскрылась. Выйдя в коридор, Кэт мысленно послала в небо благодарственную молитву.

– Иди за мной, – Джерри открыл ключом дверь, инкрустированную деревом. Единственную на лестничном пролете. – Прошу внутрь.

Кэт сделала три шага в дверной проем, остановилась в крошечной тьме. Пошарила перед собой рукой в надежде отыскать какую-нибудь опору. Тщетно.

– Пройди подальше, Кэт, – беззлобно проворчал за спиной Джерри, – дай мне возможность затащить твой чемодан.

Не бойся, там нет ямы с кольями или другой изощренной ловушки, которую тебе нарисовало воображение. Погоди, нужен свет...

Щелкнул выключатель, помещение осветилось. Кэт сдержала вздох изумления. Действительно, ловушки не было. Был выложенный темным полированным дубом пол, который таинственно скрипнул, когда она сделала еще один шаг. Комната вполне могла бы потянуть на парадную залу в рыцарском замке. Ее дальний конец тонул в сумраке. В полу прикрытые шторами частые окна вдоль фасада заглядывала с улицы луна. Потолок поддерживали полукруглая деревянная коллонада. Напротив окон располагалась зона отдыха, где стояли массивные, обтянутые коричневой кожей диван и кресла в английском стиле.

Далее пассаж, у противоположной стены кухня, обозначенная тяжеленным дубовым столом и живописным гарнитуром, словно вышедшим из-под рубанка ремесленника. Вместо каменной печи, которую Кэт ожидала увидеть, на кухне хромом посверкивала очень даже современная и, судя по внешнему виду, функциональная плита. И не менее «навороченный» холодильник. Хозяин квартиры предпочитал старину, но и в дарах цивилизации себе не отказывал. Еще в комнате было несколько красивейших старинных зеркал. Дубовые шкафы с драгоценной посудой.

Кэт опустилась в одно из кресел, утонув в его объятиях. К ней тут же вернулось сонное состояние.

– Погоди, угощу тебя чем-нибудь, – сказал Джерард, – но роскошного пира не обещаю.

– Я и не жду, – Кэт указала на нетронутую пленку пыли на низком стеклянном столике, – Все признаки твоего длительного отсутствия на лицо. Удовольствуюсь стаканом воды.

– Я купил поесть, пока ты спала в такси, мадам Шерлок Холмс. Сейчас заварю чай. Есть свежий хлеб, масло, джем, яйца для омлета, бекон.

– Предусмотрительность британца, – Кэт примостила голову на объемном подлокотнике. – Я вздремну пока.

– Зажгу свечи, если хочешь, – Джерри зашуршал раскрываемым пакетом у кухонного стола. Застучал доставаемыми из выдвижного ящика приборами. – Но здесь не спи. У меня в доме есть кровать.

– Свечи зажги, – Кэт осмотрелась. По всей гостиной висели люстры из муранского стекла, украшенные бесчисленными капельками и каскадными подвесками. На их фигурных фасетках, хрустальных листочках и серебристых стебельках бриллиантово преломлялся свет, – Надеюсь, кровать у тебя в доме не одна.

– Не одна.

Заворчал на плите никелированный чайник. Джерри стер бумажным полотенцем пыль со стеклянной столешницы, принес две чашки, расставил перед Кэт тарелки с угощениями.

– Несколько кроватей? Это хорошо, – Кэт отхлебнула из

своей чашки, – Ты счастливчик, Джерри. Гостиная у тебя, что надо. Я вот тоже планирую занять нечто подобное, если посчастливится разбогатеть. Тоже хочу несколько кроватей, камин. И еще собаку. Живую, не бронзовую. С глазами синими, как арктический лед. Чтобы будила меня по утрам поцелуями.

– Первый раз встречаю девушку... – Джерри прожевал печенье, в один глоток разобрался с чаем в своей чашке, – ... которая мечтает о песьих поцелуях. Хватит крошить хлеб, вставай, я отведу тебя в спальню. Ты засыпаешь, дорогая.

– И далеко твоя спальня?

– Моя на втором этаже...

– У тебя есть второй этаж? Что это, двухэтажный пентхаус на Манхэттене? Кто ты по профессии, хотелось бы знать?

– Там второй год идет ремонт, – он тактично ушел от ответа о профессии, – Всё не доходят руки закончить. Спать гостье среди разрухи я предложить не могу, поэтому уступаю свою спальню.

– Веди, – Она подавила зевок.

Он поднялся, протянул ей ладонь. Она приняла поданную ей руку, позволила увлечь себя куда-то в дальний конец гостиной:

– Я так устала, что не могу пальцем пошевелить. Джерард, надеюсь мы поняли друг друга. Не позволяй себе ничего лишнего.

– Мы говорили о неясностях, если меня не подводит па-

мать. О позволении лишнего речи не шло.

– Речь об этом идет сейчас. Джерард, я считаю вас порядочным человеком. Вы не осмелитесь...

– Как можно, миледи...

Так перешучиваясь, они оказались перед витражной дверью. Рядом с ней плавный изгиб стены, за которым виднелась винтовая деревянная лестница, исчезающая под потолком. Джерри распахнул дверь:

– Ваша опочивальня, миледи.

Зажглись лампы под матовыми абажурами, стоявшие на прикроватных тумбах, осветили широкое ложе с высокой спинкой, декорированной резной «короной».

– Сойдет?

– Ого! – Кэт скинула кроссовки, погрузила ступни в длинный, мягкий ворс ковра, – это точно не номер в шикарной гостинице класса люкс?

В комнате имелся комод, на котором стояли какие-то занятные антикварные статуэтки, панорамное окно было занавешено бархатной портьерой со шнурками-подхватами, на стене висело зеркало в лепном, позолоченном окладе.

– Не скромно, Джерри. Ты любишь роскошь.

Джерри наблюдал за ней с улыбкой.

– Ты среди роскоши выглядишь очень органично.

Она повернулась к нему, подсвеченная мягким сиянием ламп.

– Я даже не сомневаюсь. В этом туристическом наряде и

с вороньим гнездом на голове. Не подскажешь, где мой чемодан?

– Сейчас будет.

– ...И еще очень нужна ванная. Мне надо смыть с себя следы пребывания в этой вашей Шотландии, какой бы прекрасной она ни была. Может, одолжишь мне одну из своих футболок, Джерри? Я вряд ли смогу сейчас отыскать ночную сорочку в своем чемодане.

– Футболка – не вопрос. Сейчас принесу, – он с интересом смотрел на нее и не спешил уходить. – Ванная комната вон за той дверью у окна.

– Хорошо, – она стянула через голову толстовку, оставшись в водолазке. Откинула на кровати покрывало вместе с одеялом, провела рукой по простыни, – Надо же, шелк... У тебя однозначно мило. Помоюсь и сразу спать.

– Все для твоего удобства, Кэт, – Джерри сунул руки в карманы брюк, – В ванной все есть. Чистые полотенца, новые зубные щетки. Футболка и чемодан будут у тебя через минуту.

– Спасибо тебе за заботу, – она мелкими шажочками продвигалась к ванной, – пока он говорил, – я ее очень ценю.

Оказавшись в ванной, она закрылась на защелку. Из комнаты донесся смех шотландца.

– Катя – ты курица, – заключила Кэт. Придирчиво осмотрелась, открыла душевую кабинку, включила воду. Кабинка начала заполняться паром, – Убегаешь с квохтаньем, пря-

чешься. Мойся скорее, и ложись спать. Ты сегодня не особо убедительна.

Скинув одежду, она встала под потоки воды. Минут десять стояла неподвижно. Вслушивалась в свое разламывающееся от усталости тело. Оно отходило, отдыхало под бьющими струями. Зато на душе стало как-то не очень спокойно. Кэт ощущала чисто женское раздражение. Он проводил ее в спальню вежливо. Пошутил, конечно, но не более. Образец гостеприимного хозяина. Отменная выдержка. Отличная воспитанность. Не предпринял ни единой попытки. Можно подумать в лифте с ней был другой человек!

– Да! Я, естественно, старалась обозначить наши с вами границы дозволенного. Но с чего вдруг вы стали так послушны, мистер Карвер? – она взяла с полочки стеклянный флакон с гелем, вылила на себя его содержимое. Под ногами образовались хлопья ароматной пены. – «Да», «конечно», «все для твоего удобства, Кэт». Джентльмен! Послушание, кажется мне, свойственно вам не больше, чем какому-нибудь аляскинскому медведю. Эдакому гризли, пожирателю душ. Боюсь представить, что не очень нравлюсь вам, мистер Карвер. Я, наверное, недостаточно для вас хороша. Что ж, мне это только на руку. Посплю, уберусь восвояси домой в Даллас. Я вам ничего не должна. Забудем!

Выключив душ, Кэт завернулась в полотенце, сложила разбросанную одежду стопочкой на пуфе. И вышла в спальню. Волосы надо было посушить, прежде чем лечь.

Сдернув полотенце, она стала вытирать им голову, ничего не видя и не слыша.

– Кхм, – еле донеслось до нее через несколько секунд.

Кэт опустила руки, в которых держала полотенце. Глянула из-под взлохмаченных мокрых вихров. Джерри стоял по другую сторону от здоровенной кровати. Держал в руках что-то светлое.

– Кхм, – повторил он. Несколько смущенно. Глаз, в прочем, не отвел.

Девушка повернулась боком, чтобы не демонстрировать свое обнаженное тело во всей красе, но и прикрыться не потрудилась.

– А постучаться? – осведомилась она.

– Я стучался..., – он развернул футболку и поднял ее повыше, демонстрируя, – Честно. Но ты не ответила. Я думал, ты все еще в ванной. Смотри, что я тебе принес.

– ага..

Ее гладкая, распаренная после душа кожа золотилась в свете ламп. Лицо оставалось в тени, чему Кэт теперь несказанно радовалась. Он не видит ее горящих огнем щек. Джерри, этот бесцеремонный Джерри, недавно такой сдержанный и невозмутимый, бесстыдно разглядывает ее. Взгляд скользит снизу вверх, от длинных ног к стройным бедрам без капли жира и плоскому животу, выше к плечам красивой лепки и высокой груди с маленькими розовыми сосками. Ей хотелось обмотаться полотенцем, но она не делала этого. Он от-

кровенно пожирает ее глазами. Значит, ошиблась, рассуждая о нем в душе. Значит, достаточно хороша.

– Давай мне это... Я оденусь, – она протянула к нему руку.

Ему нужно было пойти навстречу, чтобы передать футболку. Кэт. Обнаженная. Притягательная. Дьявольски красивая. Дурманящая разум женщина. Какая у нее нежная кожа. Вот бы дотронуться до нее, почувствовать ее вкус, ощутить запах... Ее рука протянута. И кровать так приглашающе широка, расправлена. Что еще нужно, чтобы пойти навстречу? Другая манера поведения. Она ведет себя, как королева, застигнутая врасплох слугой в неподобающем виде. Не стесняется, но и не зовет.

– Джерри, мне нужно одеться.

– Держи, – он скомкал футболку и бросил ее Кэт. Она поймала, медленно, немного неловко натянула ее на себя. Гибкое тело с соблазнительными формами скрылось под тонкой тканью.

– Спасибо. Не смею тебя больше задерживать. Спокойной ночи.

– Твой чемодан у комода. Я занес, – он спиной продвинулся к открытой двери.

– Я вижу, – она изогнулась, поправляя подушки, потянулась к ним через кровать. У него пересохло во рту от этого ее движения, – Он мне сейчас нужен. Надо надеть нижнее белье.

Джерри снова сделал шаг. Ударился спиной об косяк и

громко ойкнул. Кэт приснула. Отвернулась.

– Джерри, ради всего святого. Не покалечься. Пожалуйста.

– Не волнуйся за меня. Спокойной ночи, – официально простился шотландец и вышел, потирая ушибленный позвоночник. Плотно прикрыл за собой дверь.

Девушка послала ему вдогонку воздушный поцелуй и, откинув одеяло, прыгнула в застеленную белоснежными простынями кровать.

Спать хотелось ужасно. Но сон, этот вероломный обманщик сон не шел. Раздразнил ее, заставил отчаянно зевать, погрузил в дрему, и исчез. Улетучился. Пропал. Она была разбита перелетом и не отдыхала больше суток. Но уснуть не могла. Все было не так. В сотый раз перевернувшись с бока на спину, а со спины на живот, Кэт ударила кулаком по матрасу и выругалась.

– Отвратительная кровать! Как он в ней спит?

Она опять крутанулась на спину и несколько раз подпрыгнула, проверяя упругость спального места. Матрас пружинил отлично.

– Вот именно, – вопреки результатам эксперимента заявила Кэт, – матрас жесткий, как доска, продавленный вдоль и поперек. Он достался ему в наследство от бабушки, не иначе. Чем он на нем занимался в последнее время, что матрас превратился в отвратительную развалюху? Использовал вместо

батута? Одни шишки и бугры...

Она снова обругала матрас, в глубине души понимая, что этот исключительно комфортный предмет обихода куплен, судя по качеству, недавно и за баснословные деньги.

– Может мне нужно спать головой на юг? Где тут юг?

Решив, что юг находится в изножье кровати, Кэт перекинула туда подушку и легла головой к дверям. Некоторое время лежала спокойно, прилежно зажмурившись. Но опять вскинулась и принялась разъяренно мять подушку.

– Плохая, плохая, плохая подушка, – приговаривала девушка, терзая виновницу очередной неудачной попытки заснуть. В итоге схватила ее и зашвырнула подальше в угол комнаты. Совсем немножко полежала, укрывшись с головой. Потом распиналась, спихнула одеяло с кровати.

Она пробовала сворачиваться калачиком и вытягивалась во весь рост, ложилась поперек и по диагонали. И ругала, ругала последними словами кровать. Но кровать была не виновата. Кэт прекрасно это понимала.

– Здесь все пахнет им, – призналась она себе, усаживаясь, – Подушка, простыни, одеяло. Все пахнет им. Я больше не могу.

Девушка обхватила руками голову и стала раскачиваться из стороны в стороны:

– Я хочу спать, я хочу спать, я должна спать, спать, спать, спать....

Мантра не действовала. Кэт подтянула к носу футболку, в

которую была одета, понюхала ее. Стянула с себя полностью, зарылась в нее лицом и втянула ноздрями запах.

– Его запах. Это его запах, его одеколон. Чувствуется даже после стирки. Я сейчас с ума сойду... Прочь!

Она отшвырнула от себя футболку, словно та вдруг превратилась в лягушку. И в ту же секунду пожалела о содеянном. Опять захотелось ощутить этот терпкий запах, воскресающий в голове образ темноволосого мужчины, который привел ее сюда. Ничего особенного не происходило. Всего лишь самая обычная вещь. На протяжении получаса или часа, пока она тут вертелась, призывая сон, Кэт хотела Джерри. Хотела, чтобы хозяин этой кровати оказался рядом с ней в этой самой кровати. Или хотела оказаться в другой кровати, на втором этаже, где сейчас спал он.

Она уже представляла себе, как опускает ноги на ковер, встает, неслышно выходит в гостиную, пробирается к лестнице. По ступенькам тихо-тихо, как призрак, поднимается на второй этаж, находит его комнату, открывает дверь.... И видит его, спящего. Раскинувшегося на постели... Сияние свечи, которую она держит в руке, освещает его мускулистую спину.

– Стоп, какая свеча? – встряхнулась Кэт. – Дождалась, поехала крыша. Тебе надо определенно выпить, Катя. А потом ты спокойнехонько заснешь. Решено! Иди и выпей. Воды или чего покрепче. Это же шотландец, у него должен быть скотч.

Договорившись с собой, девушка почувствовала себя лучше. Поискала футболку, ползая вокруг кровати на коленях, но ничего не нашла. И отправилась в неосвещенную гостиную в одних трусиках.

Там было пусто, прохладно, безмолвно и безраздельно царил мрак. В дальнее приоткрытое окно по-прежнему заглядывала луна. Она и висевшее над городом зарево рождали свет, который проникал в комнату, освещая стены и пол. Мебель, колонны и цветы в кадках отбрасывали безобразные тени.

– Страшно, – произнесла вслух Кэт, стараясь ободрить себя звуком собственного голоса. – Точь-в-точь логово графа Дракулы... Угораздило же меня.

Дрожа, она двинулась туда, где, по ее воспоминаниям, находилась кухня. Шершавые доски пола под босыми ступнями поскрипывали.

– Зачем, скажите на милость, гасить полностью свет, зная, что у тебя в доме гость. И что этому гостю, возможно, захочется попить. Черт, так темно... Куда идти? Мог бы оставить люстру на кухне включенной.

Она ударилась бедром обо что-то твердое, чертыхнулась. Продолжила путь, предусмотрительно держась за стену. Под руку подвернулся столик у стены. Она его помнила. Провела пальцами по столешнице и нечаянно смахнула с нее какую-то штуку. Штука оказалась шумной, загрохотала по полу. Кэт сжалась в комок и, умирая от страха, ждала тишины.

Стало тихо.

– Мамочки, – простонала она. – Я никогда туда не доберусь. Я хочу пить, я хочу спать, мне холодно, мне плохо. Я понятия не имею, как вернуться в спальню. Помогите, кто-нибудь...

И словно по мановению волшебной палочки в ответ на ее стон включился торшер. В одном из кресел сидел Джерри.

– Помочь?

Кэт, стоявшая с вытянутыми руками, сначала взглянула на Джерри, потом на свою голую грудь, потом на кисти рук. Прикрылась. Худенькие ладони мало что закрывали.

– Да, – девушка зажмурилась от света, – если тебе не трудно.

– Это стало у нас доброй традицией, – подойдя, Джерри без особого смущения взглянул на ее бюст.

– Прошу прощения за причиняемые мной неудобства, – извинилась она. Выгнула поясницу, отчего грудь явственно прибавила в объеме.

– Ну что ты! Какие неудобства? Наоборот... Мне очень, кхм, приятно. Чем тебе помочь? Напоить?

– Будь добр.

– Слушай, Кэт. Зачем плутать в темноте, спотыкаться, страдать. Позвала бы меня сразу, я бы все сделал, – он прошел в кухню, достал из навесного шкафчика стакан, наполнил его водой, – Я готов исполнить любое твоё желание.

– Откуда мне знать, что ты восседаешь в кресле, как тень

отца Гамлета? Чего ты молчал?

– Ждал своего часа. И дождался. Почему ты не спишь?

– Не могу. На твоей кровати уснуть нереально.

Он протянул ей стакан, вопросительно приподнял бровь. Она все еще держалась за грудь.

– Как будешь пить? Тебя напоить или может...Поддержать?

– Что поддержать?

– Ну, – он продемонстрировал свою широкую ладонь, – у меня лучше получится прикрывать тебя, пока ты пьешь.

Кэт испепелила его взглядом.

– Нахал. Пои меня, – она вытянула шею. Джерри поднес к ее рту стакан, она напилась.

– Почему на моей кровати нереально уснуть? – Джерри поставил стакан на стол.

– Это сплошное мучение, – она вытерла губы плечом. – Я приехала сюда только по одной причине. Мечтала выспаться. Перспектива ночевать в аэропорту на креслах меня пугала, как ты понимаешь. Теперь я начинаю понимать, что кресла были не так уж плохи! Твоя кровать не создана для сна. Где ты вообще достал этот раздолбанный, не побоюсь этого слова, топчан?!

Она запальчиво махнула рукой в сторону спальни, забывшись. И спешно вернула ладонь на место.

– Дьявол...

– Топчан, говоришь... – лицо Джерри в сумеречном освещении

щении приняло выражение, которое сделало его похожим на разбойника. Или на предприимчивого беса Мефистофеля, который, во что бы то ни стало, выторгует у смертного его бесценную душу. – Хочешь, достанем тебе другую кровать?

– Где мы ее достанем?

– Да хотя бы наверху. Кровать – это не проблема, – он ухмыльнулся. – Проблема в другом, Кэт.

– В чем именно?

– Мне кажется, – он придвинулся к ней вплотную, – пока ты здесь. Под крышей моего дома. Пока ты тут со мной, ни одна из моих кроватей не будет пригодна для сна. Твоего либо моего.

Кэт почувствовала его пальцы на талии, потому выше, почти у самой груди. Они осторожно гладили ее, едва касались, скользили вверх-вниз. Ее слегка покачивало, словно она превратилась в перышко на волне. Перед глазами разливался туман. В животе стало жарко, больно, и жар этот начал медленно затоплять все ее тело. Она чувствовала идущее от Джерри тепло. Чувствовала, как ее кожа поглощает это тепло, жадно впитывает, покрываясь испариной. И внутри становится всё горячее, больнее. Дыхание делается трудным, тяжелым и, кажется, вот-вот прервется.

– Кэт...

Она не знала, что отвечать. Она уже нечетко видела его лицо. Ей хотелось закрыть глаза, чтобы только ощущать его, пить, вдыхать полной грудью, всей собой. И вообще не отве-

чать ни на какие вопросы.

– Кэт... – снова прошептал Джерри. Взял ее за запястья, заставил отпустить грудь. Она безвольно подалась вперед, когда он потянул ее на себя. Обхватил за бедра, приподнял, бережно усадил на столик перед собой. – Хочешь?

– Что, Джерри?

– Хочешь, я помогу тебе?

– Господи, о чем ты говоришь?

– Хочешь, я научу тебя спать в моей кровати?

Он прикоснулся губами к ее шее. Она откинулась и посмотрела на него. Не глаза, а жидкий огонь, расплавленное серебро. Под ее пальцами билось его сердце. Стучало так, словно хотело проломить грудную клетку и оказаться в ее ладонях.

– Хочу, – ответила Кэт, – конечно, я хочу этого, Джерри.

Он поцеловал ее в губы. Наконец-то. Нежно и жадно одновременно. И больше не смог от них оторваться. Так, целуя, и понес ее в спальню.

«Как хорошо», – подумала Кэт, лежа навзничь на сбитых простынях. Ей не хотелось шевелиться. Внутри царила чарующая гармония. Девушка отдыхала, воображая, что сейчас, там, в ней, глубоко живет синее море, наполненное волшебными песнями серен. Ей нельзя двигаться, иначе море потеряет покой, взбурлит, рассыплется мириадами капель, ударяясь о камни, растает легкой морской пеной. Исчезнет.

Вместо гармонии придет буря. Вернется мрак. Принесет с собой холодные ветра. И все станет по-прежнему. А сейчас так хорошо!

Она очень хотела спать. Но не могла уснуть. Знала, что не заснет. Он сказал ей правду. Кровати в этом доме не пригодны для сна. Для ее сна точно.

Кэт повернулась на бок. Джерри лежал на животе, обняв подушку. Его лицо было обращено в ее сторону, освещено ночником, горевшим на прикроватной тумбе. Веки с темными ресницами прикрыты. Брови больше не сдвинутся, нет жесткой складки между ними. Рот не сжат упрямо, как обычно...

...Он зажег ночник, когда положил ее на кровать и рухнул рядом. Не отрывая рта от ее губ, помог ей раздевать себя. Кэт потянулась к ночнику.

– Стой, – он перехватил ее запястье, вдавил его в матрас, – я хочу видеть твоё лицо.

Она поддалась. Как он был прав, не дав ей погасить свет! Ведь и она могла видеть его теперь. В его серых глазах мешалось столько всего, столько разных чувств, что ей становилось удивительно, восторженно и страшно! Откуда все это? Эта жажда и радость, безумное сладострастие, разбавленное чем-то таким, что и угадать-то сложно? Нет, невозможно такое увидеть в глазах мужчины, впервые познающего незнакомую ему женщину. Что это за огонь, рвущийся наружу, как из вулкана? Когда он успел так разгореться? Ведь еще вчера

они не знали друг друга!

Теперь он спал. Неподвижный. Она смотрела, желая запомнить его лицо навсегда. Навечно оттиснуть в памяти.

«Когда-то я знала мужчину. Моего мужа. Я его любила. – Кэт невольно прислушивалась к себе. И отказывалась признавать, что в ней, в этот самый момент, как дым над костром, поднимается какое-то душашее, болезненное чувство. Заполняет ее до самых краев. Нет больше прежней Кэт. – Думала, что люблю. Думала, что знаю любовь. Похоже, я ошибалась. Причем, ошибалась основательно. Ничего я не знала. А сейчас начинаю понимать».

Она вспомнила, когда они соединились, он, прижав ее собой, что-то говорил ей на ухо охрипшим шепотом. Она его не понимала, так как говорил он по-гэлльски. Но, обвившись вокруг него, словно змея, соглашалась с каждым его словом и молила, как одержимая:

– Скажи еще... Скажи еще...

Спящий Джерард дышал почти беззвучно. Она рассматривала его сильное, голое тело. Тело атлета. Очень хотела коснуться, но боялась разбудить.

«Что мне делать, если я полюблю тебя? – спазм стиснул ей горло, на шее выступил ледяной пот. – Тогда я буду знать, что ты смотришь на другую женщину. Страстно шепчешь ей что-то на своем варварском языке, гладишь ее своими руками. На этой самой кровати. Целуешь ее, как меня целовал недавно. Как я буду жить со всем этим? Не хочу этого. Не

выдержу. Господи. Сделай невозможное, прошу тебя! Пусть он будет моим. Только моим. Вот оно, мое рождественское желание. Если не захочешь исполнить его, то отними у меня память, будь милосерден».

Не справившись с душащим комом в горле, Кэт громко всхлипнула.

Джерард тут же открыл глаза. Он спал чутко. Девушка, лежащая рядом на кровати, смотрела на него широко раскрытыми глазами. Оставленная скатившейся на подушку слезой, поблескивала влажная дорожка на ее нежной щеке.

Он провел пальцами по ее плечу, спине, погладил бедро. Янтарные глаза его любовницы потемнели от ласк, она прикрыла их густыми ресницами. Он приподнялся над ней, долгим поцелуем накрыл ее губы. И заблудился, затерялся в тихом эхе ее стонов.

Проснувшись утром, Кэт упрямо лежала с закрытыми глазами.

Магия ночи рассеялась. Как себя вести? Что говорить? Что ожидать от него? Он не спит. Лежит, как и она, не шевелясь, на спине, откинув в сторону руку. Не спит. Она это знает.

«Зачем тебе притворяться спящим? Чтобы дать мне возможность уйти без шума? Хорошо. Будь по-твоему. Я спокойна. Главное, вести себя естественно».

Для начала Кэт потянулась, давая понять окружающему

миру, что пробуждается, завела за голову руки. И мысленно обругала себя. Оказывается, одеяло укрывало ее лишь до талии. От принятого ею положения обнаженные груди приподнялись, округлились и теперь призывно торчали вверх. Она не стала дергаться, спокойно опустила руки и села. Так, где белье? Кэт не помнила, как вчера ночью лишилась трусиков. Джерри то ли порвал их в порыве страсти, то ли снял настолько технично, что событие это ускользнуло от ее внимания. Их нет. Зато у комода валяется полотенце. Сойдет. Она встала без ложного стеснения. Стесняться тут нечего, милочка, все что мог, он рассмотрел. Прошлась, разминая мышцы. Ее тело ничего не теряло при свете дня. Почувствовала, как вдоль позвоночника ползет невидимая улиточка. Все ясно – он смотрит. Обмоталась полотенцем. Выходит, ты не собираешься «просыпаться», Джерри? Твое дело. Кэт пошла в душ.

Из ванной вышла уже в ином настроении, охладившаяся, в меру отрезвевшая. Поэтому на Джерри отреагировала с притворным равнодушием. Хоть к этому и пришлось приложить серьезное усилие. Ему наскучило ломать комедию, прикидываясь спящим. Он сидел, едва прикрытый одеялом, сонный, взъерошенный, до неприличия сексуальный. Да, хотелось бы, чтобы принес ей завтрак в постель. Хотелось бы, чтобы притянул ее к себе, никуда не отпустил. Хотелось бы, чтобы занялся с ней нежным утренним сексом. Но он этого не сделает.

Значит, ты, Катя, оказалась той, кем больше всего боялась оказаться. Ты девушка на ночь. Ну и пусть. Сдохнуть теперь, что ли? Уж точно не ластиться к нему, не заигрывать, не заговаривать. Она представила, что находится в комнате одна. Открыла чемодан, скинула полотенце. Достала и надела нижнее белье. Затем стала натягивать на себя вещи, первыми подворачивающиеся под руку – джинсы, пуловер, носки, шейный платок, сапоги. Последним достала пальто, кинула на покрывало. Закрыв чемодан, вывезла его в гостиную. Вернулась. Джерри не издал ни звука, шурился на нее и был доволен собой, как кот, налакавшийся сливок. Сказать «прощай» и проводить до двери в его планы не входило. Замечательно!

– Что ж, – она надела пальто. Трудно уходить, не сказав последнего слова. Кэт огляделась, подумывая, чем бы в него швырнуть. Ее осенило, – Минуточку.

Вернулась из гостиной с бронзовой борзой в охапке.

– Вот, – сказала Кэт, ставя собаку на ту часть кровати, где пару минут назад лежала она сама, – Тебе моя плата за гостеприимство. Ты был очень добр, Джерард Карвер. Приютил, согрел... Думаю, собаки хватит, чтобы оплатить твои неоценимые услуги.

И вышла окончательно, прикрыв за собой дверь.

Кэт спустилась вниз на лифте. Скомандовала портье за стойкой.

– Будьте добры, сэр, вызовите мне такси.

Портье, пожилой дядька в синей ливрее, набрал номер.

– Знаете что, – сказала вдруг Кэт, облакачиваясь о стойку, когда адрес Нью-йоркской квартиры Джерри был продиктован в трубку. – Рождественские чудеса – это, простите за выражение, чепуха. Они не сбываются.

– Как вам угодно, мисс, – с почтением согласился при-
вратник. – Выходите, такси сейчас будет. Ранее утро и про-
бок нет.

Она вышла. Пока стояла на тротуаре, смотрела на тополь, растущий у парадной. Не такой готичный, как накануне ве-
чером, но он все равно ей нравился. Вскоре подъехало такси, Кэт забралась в него и отправилась в аэропорт.

Ушла, гордо и независимо, оставшись верной себе до кон-
ца. Не показала, что страдает от обиды, хотя от финальной
шпильки не смогла воздержаться. Если бы воздержалась, не
была бы собой. Кэт. Джерри улыбнулся, не находя в себе сил
подняться. Ему казалось, она все еще лежит рядом и потяги-
вается. Встает, расхаживает по комнате. Как же хочется пой-
мать ее, затянуть назад в постель. Ее голос звучит в ушах. Он
видит глаза, в которых гневно вспыхивают золотые искорки.
Бронзовая плата за услуги осталась единственным напомин-
анием.

Гордячка. Пусть едет в свой Даллас. Препятствий, кото-
рые бы удержали его от новой встречи с ней, нет. Скоро она

вернется сюда, в эту комнату, в эту постель.

Джерри поразмыслил. Дотянулся до телефонной трубки, сел поудобнее, тщательно прокашлялся. Набрал по памяти номер.

– Дэвид, доброе утро! – вежливо заговорил он, – Джерард беспокоит! Я в Нью-Йорке... Да, приехал... Да, по делам. Спасибо! Я передам ваши слова Софи. Конечно! У меня к вам есть просьба, Дэвид! Не откажите, буду очень признателен. Если у вас появится возможность встретиться со мной на бизнес-ланч на днях, вы меня осчастливите. Суть вопроса? Есть нечто важное, Дэвид...

...Закончив разговор, Джерри откинул одеяло. Откуда-то из его глубин внезапно вырвались белые трусики, мотыльком порхнули к потолку и повисли на одном из рожков люстры.

– Доброе утро, Кэт! – поприветствовал их Джерри, поднялся и направился в душ.

Визави Джерарда пришел на лэнч в респектабельный ресторан на Манхэттене вовремя. Джерард, явившийся за двадцать минут до начала встречи, сердечно поприветствовал его – подтянутого, широкоплечего старика лет семидесяти, одетого в изысканный костюм цвета белой шерсти. Дэвид носил короткую бородку-эспаньолку, имел выразительный горбатый нос. Зачесанные назад волнистые седины и глубокие морщины на волевом, одухотворенном лице делали его по-

хожим на библейского апостола.

– Я узнал, кто она, – старик приступил к делу немедленно, усаживаясь и отпивая Perrier из бокала. Расстегнул на ска-терти золотую застежку кожаного портфеля, – должен ска-зать, Джерард, выбор твой мне понятен. У меня есть кое-ка-кие бумаги, фото в том числе... Красивая девушка.

Джерард взял переданные ему через стол бумаги, перели-стал их, пока Дэвид застегивал и убирал портфель, посвер-кивая старинным перстнем на безымянном пальце. Полудра-гоценный камень перстня украшал выгравированный кабба-листический знак.

– Мир тесен, Джерард. Я выяснил, что работает она на одну даму, которую мне посчастливилось знать по бизне-су. Дама эта особенная, с акульей хваткой, в наших кругах знаменитость, большой профессионал для своего, по моим меркам, юного возраста. Она хвалит подчиненную. Эта Ка-терина Шэддикс – эксперт по прерафаэлитам. Имеет чутье на авторов раритетных картин. Марго Уайнпот относится к ней по-матерински, а сентиментализм этой даме не очень-то свойственен.

– Вы очень помогли мне, Дэвид, – Джерард наклонил тем-новолосую голову в знак благодарности, – Мисс Шэддикс мне не безразлична. Я очень в ней заинтересован.

Старик глянул на него пронизательными глазами. Что-то секунду обдумывал, потом, словно сдаваясь, махнул рукой.

– У меня, как всегда, цейтнот, Джерард. Если ты желаешь,

чтобы я еще что-то сделал для тебя и этой твоей русской, говори сейчас. В ближайшее время я вряд ли смогу выкроить время для встречи.

– У вас все в порядке? Как бизнес?

– В бизнесе у меня не бывает проблем, мальчик. С ними я справляюсь в зачаточном состоянии. На данный момент случилось кое-что другое. Я этого не ожидал. Внук, Марк... Он попал в беду.

– Что с ним?

– Арестован. Только не заставляй меня вдаваться в подробности. Мы разбираемся. На тебя я отвлекся с удовольствием. Хотя бы какой-то шанс немного забыться.

– Я к вашим услугам, Дэвид, имейте это ввиду. Я, ресурсы моей семьи – распоряжайтесь нами по своему усмотрению.

– К сожалению, ты тут помочь ничем не можешь. Не забивай голову, – старик похлопал Джерри по плечу. – Ты похож на прадеда, Джерард. Он тоже был такой – никогда мелочился, предлагал сразу все, что имел. В память о нем, и о долге перед твоей семьей, который я не смогу оплатить, я тебе говорю – смело проси, что еще хочешь, я решу твои вопросы.

Глава 6.

Шотландия, XIX век.

Стукнула дверь. Милле, одетый в костюм для верховой езды, прошел к окну, раздернул плотные шторы и распахнул оконные створки. В комнату хлынул утренний ветер,

взметнул ткань полога, сдул со стола иссеченные чернилами листы, лизнул спину лежавшего поперек кровати человека. Милле прислонился к подоконнику. Бойс застонал, поднял с простыней взъерошенную голову и уперся в друга мутным взглядом.

– Почему ты решил заморозить меня, Джон? – сонно просипел он и снова упал на подушку, – Что тебя беспокоит с утра?

Милле скрестил на груди руки.

– Молчишь, – зевнул Бойс, – я должен догадаться сам. Хорошо, попробую.

Молодой человек сел, подгребая под себя одеяло, прислонился к кровати спинке.

– Итак, – он потер глаза кулаками, проморгался и снова зевнул, едва не своротив себе челюсть. – Начнем. Я поступил вчера легкомысленно. Не нужно было брать тебя на праздник. Теперь ты не можешь спать.

Милле фыркнул и заворчал с порицанием.

– Угадал, – Бойс потянулся, хрустя суставами. – Ну, прости меня. Я хотел, как лучше. В следующий раз трижды подумаю прежде, чем звать тебя с собой. Позволь мне угадать дальше. Тебе в душу запала Катриона Монро. Дурочка Кэт. Прекрасная, как заря, наивная, словно зайчонок на лугу, играющий солнышком. Наметанный взгляд художника узрел уникальную фактуру. Пальцы аж сами тянутся к кистям. Хочешь рисовать ее, Милле?

Джон отлепился от подоконника и уселся на стул, с грохотом придвинув его к кровати.

– Ты не будешь отрицать, что она создана для полотна, Бойс! Кошунственно пройти мимо такой модели, кошунственно не запечатлеть ее в зените нежной прелести, не вписать в подобающий антураж!

– Ничего я не собираюсь отрицать! Прикрой окно, восхищенный идиот, иначе я опять подхвачу какую-нибудь холеру. Если тебе взбрело в голову писать девушку – дерзай! Скажи только, как ты ее видишь? Кем?

Загрохотали закрываемые створки.

– Офелия, Бойс. Ты знаешь, я давно грежу ей... Я помыслить не смел, что отыщу в Тэнес Дочарн столько сокровищ. Сперва ваш пруд, над которым склонились ивы, именно тот, что описал Шекспир. Один в один. Затем она. Светловолосая нимфа, плетущая гирлянды из лютиков, незабудок, и ромашек.словно наяву я вижу, как она погружается на дно пруда, куда упала, сорвавшись с ветки. Поет, прощаясь с жизнью и любовью. Косы каскадом распустились по воде, в них запутались цветы...

– Погружается на дно? – Бойс прервал тираду Милле. Безнадежно вздохнул, откинул одеяло, одним прыжком встал на ноги. Прошел к округлому сосуду из фарфора, водруженному на туалетный столик французской работы. Долго умывался, поливая голову и шею водой из кувшинчика, энергично растирал грудь и лицо полотенцем. Вернувшись назад к кро-

вати с ворохом одежды, добытой из гардероба, и начав одеваться, выглядел свежим, бодрым, здоровым до зависти.

– Тонет в пруду с песней на устах, сжимая цветы в объятиях, – он застегнул на груди хлопчатобумажную рубашку, – погружается и поет. Сама себя отпевает. Вся в цветах и волосах.

– Не смей издеваться, – прогудел Милле.

– Я не издеваюсь, – Бойс затянул завязки бархатных бриджей, заправил их в высокие сапоги, – Я тебе сочувствую, Джон. Такое впечатление, что ты не видел Катрионы. Пока мы говорили с ней, она от силы секунду постояла на месте. Она плясала, пела, куда-то мчалась, болтала без умолку, делала все, кроме одного – находилась в статичном состоянии. А ты хочешь погрузить ее в пруд. Заставить тонуть. Я слабо себе это представляю. Наш садовый затон глубок, имей это в виду. В нем уместится дюжина утонувших Офелий....

– Не в пруд, – замялся Милле, – Я думал о ванне. Нарисовать натурщицу, лежащую в ванне, потом выписать вокруг нее природу....

– Один черт, – оборвал его Бойс, повязывая вместо галстука шелковый платок, – С ванной идея стоящая. Но подбей на эту авантюру лучше кудрявую Джун. Катриону тебе придется запечатлевать в момент полета над полем. Ты готов гоняться за ней с мольбертом по лесам и лугам?

– Джун не похожа на Офелию, – расстроено буркнул Милле. – И я не хочу отказываться от мысли нарисовать Катри-

ону.

– Не отказывайся, – Бойс накинул и застегнул на все пуговицы серый жакет в мелкую клетку, подчеркнувший его стройный стан, тщательно причесал темные кудри, взял пару перчаток, – Но не в ипостаси Офелии. Пусть это будет волшебница Цирцея в окружении воющего, хрюкающего и блеющего стада. Ундина, входящая в пенный поток. Владычица озера, подносящая меч королю Артуру. Идем завтракать.

– Ты поверхностен, Бойс. – Милле поднялся и направился вслед за другом, с посвистыванием выходящим из комнаты в коридор, – перебираешь сюжеты для картин, как игральные карты. Мне трудно отказаться от мысли об Офелии. Она вдохновляет меня, я в нее влюблен.

– Придется выбирать, дружище. Офелия или Катриона. Как определишься с выбором, скажи – нанесем деловой визит благочестивой Анне Монро с просьбой позволить тебе рисовать ее дочь.

Сквозь пелену полуденного марева они смотрели на домик из дикого камня, окруженный подкосившимся низким заборчиком. Солнечные зайчики скакали по фасаду и крытой камышом крыше, придавая домику приветливый, гостеприимный вид, пусть даже он отгородился от деревни, и, соответственно, от возможных гостей, частым леском. В сарае за домом мычала корова, кряхтели овцы, кудахтали куры. На пригорке виднелись аккуратно возделанные грядки с зеле-

нью.

– Понятия не имею, что сказать Анне Монро, – тихо заметил Милле, держа свою кобылу в сени можжевельников зарослей, чтобы хозяева дома не увидели его из окна. – Вчера эта женщина не была в восторге от знакомства с нами.

– Поехали домой, раз так, – пожал плечами Бойс. Он не утруждал себя тем, чтобы прятаться, его конь рыл копытом землю на самом виду. – Но я не думаю, что она погонит нас прочь поганой метлой. Вчера была ночь, пьяное гулянье, костры по самый горизонт, словом, богохульственная атмосфера, не сулящая ничего доброго. Ожидаемо, она не обрадовалась, увидел свою слабоумную малышку в компании двух мужчин. Сегодня все иначе. День, в воздухе витает радушие, мы имеем при себе лишь благие намерения – создать шедевр художественного искусства. Материально помочь семье натурщицы, оплатив ее услуги. Едем, старина, смелее.

Он тронул поводья.

– Анна Монро – отшельница, – Милле не мог набраться уверенности, – Что ей до живописи? До наших благих намерений? Мы натолкнемся на непонимание, возможно, враждебность.

– Не такая уж и отшельница эта Анна, – возразил Бойс, – Мама говорит, она – общительная женщина. Торговка молоком, сыром и зеленью. Немного знахарка, умеет лечить кашель и простуду у детей, иногда принимает у крестьянок роды. Не живет в деревне только потому, что дочери ее лучше

на отшибе. Катриона всегда сторонилась людей. Но сейчас она меняется. Едем! Или я сочту тебя трусом.

Бойс поехал по ковру из ползучего тимьяна, устилавшего поляну. Милле двинулся следом. На затененное крыльцо дома вышла высокая фигура в светлом платье.

– Добрый день, госпожа Анна! – громко поздоровался Бойс. Спрыгнул на землю у калитки, накинул поводья на столбик забора. – Чудесная погода, не находите?

– Добрый день, господа, – отозвалась Анна и пошла по засыпанной гравием тропинке, обсаженной по бокам кустами роз и люпином. В руке она держала большие ножницы для стрижки овец. – Вы за молоком? Или за творогом? Может, за луком?

– Нет, мы даже не за руном, – засмеялся Бойс, раскланиваясь и косясь на ножницы. – Хотя, я понимаю, самый сезон.

– Правильно понимаете, – ответила Анна, высокомерно поднимая покрытое загаром лицо, – Зато я не понимаю, почему вы явились сюда. Вы, чужак, пришли в мой дом непонятно зачем. Я не хочу неприятностей и я смогу постоять за себя. Уходите. Заберите вашего коня – он обедает мою яблоню.

– Вы зовете меня чужим, – грустно улыбнулся Бойс, – А ведь вы ошибаетесь, госпожа Анна. Я родился в этих местах. Я сын хозяина поместья Тэнес Дочарн. Ваш земляк.

– Сын Рэйналда МакГрея? – растерянно уточнила она, и рука, сжимавшая ножницы, бессильно обвисла. – И леди

МакГрей?

– Да! Но в первую очередь я художник! Смотрите!

Бойс сунул руку в карман жилета, достал оттуда маленький бумажный прямоугольник. Ловко развернул его и протянул Анне Монро. Женщина опустила на бумагу серебристые глаза.

– Что это?

– Не узнаете?

– О! – пальцы ее разжались, ножницы упали в траву. Анна взяла лист в руки. Было видно, что она ошеломлена.

Милле подъехал сразу за Бойсом, и тихо вылез из седла, посчитав верным не вмешиваться в диалог между другом и Анной Монро. Теперь он делал безуспешные попытки разглядеть то, что было изображено на листке. Ему удалось понять одно: это один из тех исчерканных листов, что поутру валялись на письменном столе Бойса.

– Вы нарисовали? – обрела дар речи Анна.

– Я, своими собственными руками.

– Красиво. Возьмите, я... у меня нет денег купить портрет.

Женщина протянула листок Бойсу. Милле, наконец, увидел – там была изображена сама Анна Монро, в виде, в котором вчера предстала перед друзьями. В венке на заплетенных волосах, в простом одеянии, но красивая, царственная.

– Это подарок, Анна, – слегка обиделся, или искусно сделал вид, что обиделся Бойс, – Сущий пустяк. Я хотел сде-

лать вам приятное, разуверить в том, что я прохожимец и разбойник, поэтому нарисовал ваш портрет. Примите его в знак моего... нашего уважения.

— Приму, — смутилась женщина и спрятала рисунок в кармашек на переднике. Перевела глаза на притихшего Милле. — Вы тоже художник?

— Да, — вежливо кашлянул Джон и приподнял шляпу, — Добрый день, мадам.

— Еще более искусный, чем я! — ввернул Бойс, — Я привел его к вам выразить почтение и извиниться за инцидент, возникший вчера между нами.

— Нам очень неудобно, мэм, — покаянно пробормотал Милле, — у нас в мыслях не было обидеть вашу дочь или вас. Бог свидетель.

— Я вам верю.

— Извините нас.

— Извинения приняты.

Повисла неловкая пауза, в ходе которой все трое переглядывались. Милле заметил, что Анна смотрит на Бойса не враждебно, а со скрытым благоговением, как и положено взирать на поцелованного Богом счастливца. Бойс набрал в грудь воздуха, готовясь убеждать и очаровывать.

Заговорить он не успел. Из сада донесся знакомый голосок.

— Бойс!

У сарая мелькнула пшеничная копна волос, показался и

пропал длинный подол. Из-за яблоневого ствола кто-то выглянул и спрятался.

– Плыли-плыли облака, гнали-гнали седока, – пропели в саду, – Приходи. Взгляни – вон шмель, вон полетел! Бойс пришел. Он в саду, да, мама?

Анна повернулась к Бойсу, в немом страхе прижала ладони к щекам.

– Господи, да что вы, Анна! – молодой художник отнял ее руки от лица, бережно взял их в свои. Анна не пыталась вырваться, вся сникла и ослабела, – Я скорее умру, чем обижу ваше дитя. Не бойтесь. Позвольте мне пойти к ней.

– Прошу вас, будьте осторожны.

– Я понимаю. Я все сделаю правильно, верьте.

Он обошел застывшую Анну, вступил на цветную гальку тропинки, углубился в сад. Увидел на пути дерево – корни его обнажились от старости, рядом в сыром грунте рос розовый куст, уже зацветший, благоухающий, возле которого кренилась на бок трухлявая изгородь. Срывая цветок, улыбнулся, ощутив прилив радости.

Катриона лежала на солнышке, разбросав в свободном размахе руки. Под его сапогом сломалась ветка. Девушка встрепенулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.